

Г. Бар-Цви (Вортман)

Воспоминания и поминовения

Наше местечко Терновка

Второе дополненное издание

*Перевод с иврита на английский язык выполнен Натаном Габриэлем
(Nathen Gabriel), Канада, 2015*

*Перевод с английской версии 2015 года выполнен Григорием Крутоярским
(вторая исправленная редакция, 2016)*

Публикация Терновского Землячества

(Терновка Лэндсманшафт)

Тель-Авив, 5732 (1972 год)

Опубликовано Издательским Домом Израэл для Терновского Землячества

76 ул. Дизенгоф, дом 76, Тель-Авив

Руфь Принтинг ЛТД., Тел: 828328, Тель-Авив

Посвящение переводчика с иврита на английский язык

Я хочу посвятить этот перевод мужу моей тёти по материнской линии Феттеру Лазарю Поллику (Шутэ) (1896-1987) из Виннипега, Манитоба (Канада), который всегда с гордостью сообщал, что он родом из местечка Терновка Гайсинского уезда Подольской губернии.

Посвящение переводчика с английского языка на русский

Посвящается светлой памяти родившихся в Терновке моих дедушки Крутоярского Ушера Мейлаховича (1906 – 1942), портного, старшего сержанта 187-го стрелкового полка, погибшего при обороне Ленинграда от прямого попадания мины в окоп в марте 1942 года, и похороненного в братской могиле у деревни Московская

Славянка, и бабушки Сойбл Исаковны Крутоярской (Видрак) (1907-1993), спасшей и в одиночку вырастившей четырёх детей. В Терновке 27 мая 1942 года были расстреляны многие мои родственники, в том числе родители бабушки Сони (Сойбл), Исаак и Молка Видраки, её сестра Лифша Радовильская (Видрак), племянница Соня Радовильская, дядя и тётя Аврум и Шейва Видраки, их дочь Маня (Марьям) Кагос (Видрак) и сын Мани Боря Кагос (1939 – 1942). Бабушка успела бежать с детьми из Терновки за три дня до прихода туда немцев. На этой фотографии 1932 года они запечатлены с моим папой Михаилом (1930 г.р.). Сестра дедушки Ушера Роза Могилевская (Крутоярская), её муж Шмил и дочь Маня (1938 – 1942) были убиты в мае 1942 в Теплике неподалёку от Терновки.

Местечко Терновка отмечено в центре карты (перевод оригинальной карты автора – Г.К.)

КАРТА КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Масштабъ въ Англійскомъ дюймѣ 38 $\frac{1}{2}$ верст.
 версты 40 35 30 25 20 15 10 5 0 40 версты

ИЗЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ:

- Города: ● Губернскій, ○ Уездный.
- Мстечко, Пригородъ, Слобода и проч. селеніи.
- ⊠ Монастырь. † Пристань рѣчная.
- ⊞ Потовая станція.
- 235 Высота въ футахъ надъ уровнемъ Чернаго моря.
- Железныя дороги: открытая со станціей
- — — — — строющаяся.
- Шоссейная.
- Потовая.
- Большая, Торговая и Прованская.
- Граница Губернска.
- Уездная.

Терновка находится за границей Кіевской губерніи внизу левее центра

И отомщу Я за кровь их, еще не отмщенную.

(Йоэиль 4:21)

Хроника местечка Терновка, которую вы прочтёте, записана мною по памяти. О многом узнал я от родственников, да будет благословенна их память, и от старейшин местечка. Многое я видел сам. О том, что произошло после моего отъезда в Израиль в 1920 году, поведали уроженцы Терновки, которым я полностью доверяю.

Будучи «последним из могикан», всё ещё оберегающим в памяти дух и историю местечка (подавляющее большинство терновцев, которые ещё живы в Израиле или за его границами, покинули Терновку детьми, поэтому историю Терновки они знают плохо), я решил поведать вам на этих страницах о событиях, происшедших в местечке, где бесчеловечные фашисты уничтожили и малых, и старых.

Пусть эти слова о Терновке послужат напоминанием о чистых душах погибших от рук зверей в человеческом обличье. Да отомстит Господь за кровь их.

Большинство событий, о которых я расскажу, изложены не в хронологическом порядке, а собраны вместе по признаку того, о чём идёт речь. Некоторые ранние события приведены после следующих за ними, ведь наши воспоминания приходят к нам как им заблагорассудится.

К сожалению, у меня нет никаких фотографий, которые могли бы рассказать о жизни местечка, его жителях и учреждениях. Те снимки, что я храню, совсем не годятся для обобщений, все они просто семейные фотографии.

Насколько я помню, местечковая жизнь никогда специально не снималась для истории, но эти воспоминания сохранят навеки то, как и чем жил народ Терновки.

Г. Бар-Цви (Вортман)

Тель Авив, 22-ой День Независимости Израиля, 11 мая 1970 года

G. Bar-Tzvi (Wortman)

Tel Aviv, Israel's 22nd Independence day, 5th day of Iyyar, 5730 (May 11, 1970)

О втором издании

Первое издание книги «Наше местечко Терновка» вышедшее в 1970 году ограниченным тиражом и благосклонно встреченное критиками в газетах Давар, Йеда-Ам, Форвертс и Дер Тог, полностью распродано. Поэтому издательство Терновка Лэндсманшафт решило выпустить в свет второе издание.

А поскольку со времени первой публикации мне удалось вспомнить много событий, случаев из жизни, людей, то вы сможете впервые прочитать о них во втором издании.

В этом расширенном издании я добавил 20 новых глав. Они включены в существующую книгу по принадлежности к имеющимся темам. В оглавлении эти дополнительные главы отмечены звёздочкой.

Конечно, даже с этими добавлениями, хроника этого мирного местечка, его яркая жизнь, уникальная история, представлены далеко не полностью. Но даже в этих отрывочных воспоминаниях Терновка отражается во всём своём очаровании и наивности вплоть до её горького конца в 1942 году.

Г. Бар-Цви (Вортман)

Тель Авив, 24-ый День Независимости Израиля, 19 апреля 1972 года

G. Bar-Tzvi (Wortman)

Tel Aviv, Israel's 24th Independence Day, 5th day of Iyyar, 5732 (April 19, 1972)

Примечание переводчика на русский язык: в скобках приведены комментарии переводчика с иврита на английский язык, примечания переводчика с английского на русский язык снабжены сноской «-Г.К.». Благодарю Олега Юнакова (Нью-Йорк) за огромную помощь в исправлении написания географических названий, имён и фамилий, а также в общем редактировании второй редакции перевода (первая редакция вышла в 2015 году). Все комментарии почерпнуты с интернета и по возможности перепроверены. Прошу заранее извинить меня за возможные неудобства. Карта Киевской губернии добавлена в настоящее издание мною для лучшего понимания географии Украины, поскольку составленная автором карта весьма схематична.

1. Как возникло местечко

Местечко Терновка, что находилось в Подольской губернии (в Уманьском уезде –Г.К.) на границе Киевской губернии, в советское время принадлежало к Киевской области (а может быть и к Винницкой области, как сейчас). Предположительно название села произошло от низкорослого колючего кустарника терновника (тёрна) *Prunus spinosa* (слива колючая, высотой 3,5 – 4,5 м - Г.К.), широко распространённого в округе. Плод терновника голубоватый, размером с вишню, съедобный. Люди зовут его тёрн, вот отсюда скорее всего и название Терновка.

По легенде штетл (*идиш.* местечко – Г.К.) был основан в 1813 году (первое упоминание о евреях в Терновке относится к 1765 году, но быть может это была украинская Терновка, речь о которой пойдёт ниже – Г.К.) и вот как это случилось. В Уманьском уезде приблизительно в 45 км к северу от нашей Терновки на земле, принадлежавшей польскому помещику, стояло крошечное местечко Босивка.

Однажды там справляли свадьбу. Это была не простая свадьба. Янкеле (Яков), 18-летний одарённый юноша, к тому времени уже провозглашённый рабби (учёное звание, даваемое знатоку Священного писания и Талмуда – Г.К.), который был сыном рабби Авраама Вортмана, раввина Босивки, сочетался браком с дочерью хасидского реббе (здесь и далее слово ребе пишется в хасидском варианте написания, как у автора – реббе – Г.К.) рабби Рафаэля из Бершади (1751-1827), выдающегося ученика хасидского реббе рабби Пинхуса из Кореца (1726-1790), ученика и последователя Баал-Шем-Това (основателя хасидизма, жившего приблизительно в 1700-1760 годах).

Все евреи Босивки собрались на эту весёлую свадьбу, пели и плясали по всему местечку. На беду как раз в этот день польский помещик, который был примерным католиком, проезжал мимо, и вот когда он увидел как радостно и счастливо празднуют его «Мошки», его «жиды», как счастливы, они танцуют и распевая у всех на виду, на его земле, пан разгневался не на шутку и в ярости приказал своим слугам за их дерзость разнести дома этих «жидов».

В те дни воля помещика исполнялась как указ короля. К ужасу евреев, жестокий и безумный приказ пана быстро был исполнен, несмотря на мольбы и плач евреев Босивки. Несчастливым ничего не оставалось, как взять своих детей, жён, и со всеми пожитками побрести в другое место, где они смогли бы обрести крышу над головой.

Около половины евреев Босивки, примерно 100 семей, подались в соседнее местечко Ротмистровка (на самом деле оно отстоит на 150 км на восток-северо-восток от Босивки), и раввин Авраам Вортман, с разрешения местного раввина, остался раввином переселенцев из Босивки. Остальные семьи поселились в Монастырище, Тальне, Тульчине и других сёлах.

Ученик иешивы реббе Яков Вортман убеждал своих соучеников перебраться на новое место и основать собственное местечко, а не жить в уже существующей общине. Искренние и убедительные слова, и то уважение, которое он оказывал своим товарищам, сделали своё дело, и около 20 учеников иешивы основали новое местечко там, где сейчас стоит Терновка.

Когда наши бродяги предстали перед очами местного помещика и попросили разрешить им обустроиться здесь, то он быстро согласился, поскольку хорошо знал, что работающие и талантливые евреи помогут ему в хозяйстве и принесут немалую прибыль. Он выделил беженцам из Босивки участок земли под строительство домов, дабы они смогли основать своё местечко. Вот так появилось местечко Терновка. А раввин Яков Вортман, который был одним из основателей Терновки, стал её первым раввином и духовным наставником. Как я уже писал выше, было это в году 1813-м.

Люди всё ехали и ехали сюда, и с годами небольшое местечко разрослось и превратилось в большой штетл. Кажется, что в основании штетла был заложен архитектурный план. Да-да, улицы в Терновке были прямы как линейка и параллельны друг другу. Только одна улица пересекала Терновку поперёк, соединяя главные улицы. Несколько улиц были даже вымощены брусчаткой. В местечке жили только евреи, а вокруг была украинская деревня Терновка, где проживали украинские крестьяне. Перед Первой мировой войной (в 1914 году) здесь проживало около 4 тысяч евреев.

2. Рассказ о раввине местечка и о хасидском раввине местечка Тальне

Жизнь в Терновке была спокойная. Не было ни споров, ни раздоров. Евреи как-то зарабатывали себе на жизнь, ведь им и нужно-то было совсем немного. С любовью и благоговением возносили они хвалу Господу. Но, когда реббе Яков Вортман был уже в преклонных годах, небо над местечком потемнело, ибо нешуточные страсти разгорелись тут.

А случилось вот что. Раввин местечка реббе Яков Вортман был не просто зятем хасидского раввина Рафаэля из Бершади: десятилетиями реббе Яков с семьёй отмечали первые два дня Пасхи (седеры) с реббе Рафаэлем до самой кончины последнего в 1827 году. Он был ещё и давним и выдающимся учеником реббе.

Бершадские хасиды отличались простотой, скромностью и чистотой помыслов, смирением и стремлением к правде. Раввин Рафаэль сам был образцом того, к чему призывал своих прихожан. Он жил просто и скромно, в отличие от раввинов из Ружина, Тальне и прочих, которые, не стесняясь, жили на широкую ногу, в роскоши и богатстве, словно зажиточные помещики в шикарных дворцах, разъезжавшие в первоклассных экипажах, в которые запрягали горячих лошадей, носившие тончайшие шелка и вкушавшие из золотой и серебряной посуды.

За эту скромность и высокую нравственность не только евреи, но и прочие окрестные жители восхищались раввином Яковом и считали его человеком Божеским, святым человеком. Большинство евреев Терновки тоже были последователями хасидского реббе Рафаэля из Бершади. Однако жил в местечке один самоуверенный человек по имени Закс, который был в приятельских отношениях с местным помещиком и с прочими влиятельными лицами, и вот он-то, конечно, был последователем хасидского реббе из Тальне, потому что этот хасидский реббе, как реббе Принц Иуда (живший в 3 веке нашей эры), всегда поступал в угоду богатым.

Однажды реббе Дувидл из Тальне (реббе Давид Тверской, 1808–1882) приехал в Терновку повидать свою паству, своих немногочисленных, но напористых последователей. Реббе Яков, хотя он был уже пожилым человеком (около 70 лет) и, как мы упомянули ранее, не был последователем хасидского реббе из Тальне, посчитал, что, как раввин местечка, он был обязан поприветствовать уважаемого гостя, к тому же происходящего из уважаемого рода и внука хасидского реббе из Чернобыля (раввина Менахема Наума Тверского, 1730–1797), да защитит нас его святость.

Когда раввин Яков вошёл в гостиницу, где остановился реббе Дувидл из Тальне (это было заведение богатого и наглого Закса, где останавливались в большинстве своём богатые люди, помещики и правительственные чиновники), чтобы поприветствовать его, к своему изумлению увидел он, что, не про нас будь сказано, воротник рубашки реббе Дувидла из Тальне не был

למזל טוב יעלה ויצמח כגן רטוב מצא אשה מצא טוב ויפק רצון מי"י הטוב

המגיד מראשית אחרית הוא יתן שם טוב וסאריית לאלה דברי התנאים והברית שנדברו והותנו בין הני תרי הצדדים היינו מצד אחד ה"ה הרבני המופלא מ"ה ישעיהו בהרבני החסיד מ"ה יצחק העומד מצד בנר הבחור החשוב המופלא כמר ארי' ליב ומצד האי הרבני המופלא מ"ה יעקב בהרבני המנוח מ"ה אברהם העומד מצד הבתולה מרת רבקה תחי' ר"ד הבחור החשוב המופלא כמר ארי' ליב ישא במז"ש את הבתולה המהוללה מרת רבקה בחופה וקדושין כדת משה וישראל ואל יבריתו ואל יעלמו לא זה מזו ולא זו מזה רק יזכרו באהבה וחיבה וישלישו בניכסיהון שזה כשזה אבי החתן התחייב א"ע להפריז על גזן בנו החתן הנ"ל סך עשרים רענול"ך מעות קערבליך לסלק על זמנים המבוארים היינו על חג שבועות הבע"ל יסלק סך עשרים רוח ושליש מסך הנותר יסלק א"ה בח"ש דשנת תקפ"ב ושליש מסך הנותר משנת תקפ"ב יסלק א"ה בח"ש דשנת תקפ"ג והמותר עד תשלום סך הנדן יסלק בח"ש דשנת תקפ"ד לשליש המרובה לשני הצדדים מתנות להכלה היינו בענדאליך שיהא שוה בשופי שנים עשר רוח גם שאל טוב וסיגר טוב גם בריסט"ך טוב מצופה זהב כפי המבואר בראשי פרקים חרץ שארי מתנות קסנים כאורח כל הנגידים ואלה הבנדים אשר יעשה אבי החתן להחתן היינו וזפצע טוב של ראצי מארי טוב גם טיזליק של ראצי מאר גם קאסטין של איילין קוטייא גם טיליש טוב חרץ בנדי חול הכל כנהוג כל הנגידים אבי הכלה התחייב א"ע להפריז על גזן בתו הכלה סך חמישים רענול"ך מעות קערבליך לסלק על זמנים המבוארים היינו כחג שבועות הבע"ל יסלק א"ה סך חמישים רוח ועכ"פ לא פחות מארבעים רוח ושליש מסך הנותר יסלק א"ה בח"ש דשנת תקפ"ב הבע"ל ושליש סך הנותר משנת תקפ"ב יסלק א"ה בח"ש דשנת תקפ"ג והמותר עד תשלום סך הנדן יסלק א"ה בח"ש דשנת תקפ"ד לשליש המרובה לשני הצדדים והפירות שיעשה מעות הנדן אשר יסלקו הצדדים עד החתונה שייך להצדדים לכל אחד כפי מעותיו מתנות להחתן היינו שטריימל טוב בערך חמשה עשר רוח כשפע טלית טוב מצופה זהב בערך שמונה עשר רוח בשפע יארמילקיא מצופה זהב ערך חמשה רוח גם קיטל כתונת שלקוין מצופה זהב ואלה הבנדים אשר יעשה אבי הכלה לבתו הכלה יוסף של מארי טוב מצופה זהב טוב עם סייא מאנזיר של מארי אין מאין חיסטיל של העסטיל טוב מצופה זהב טוב כנהוג כל הנגידים בנדי שבת בנדי חול הכל כנהוג ממ כ"וב הכל כנהוג מוונת להווג תיכף אחר החתנה על שלחן אבי הכלה שתי שנים רצופים ואחר המשך הנ"ל יחזיק אבי החתן את הווג הנ"ל על שלחנו משך שתי שנים רצופים ואחרי ימי משך הנ"ל יחזיק טוב אבי הכלה את הווג הנ"ל על שלחנו משך שתי שנים רצופים ואבי החתן ילביש וינעיל את בנו החתן כל ימי משך הנ"ל היינו משך ששה שנים רצופים ואבי הכלה ילביש וינעיל את בתו הכלה כל ימי משך מוונתם ושכר לימוד עבור החתן חל על שני הצדדים אחר החתנה לחצאין אך אם ילמוד אבי הכלה בעצמו עם החתן אוי אין צריך אבי החתן ליתן כלום והחתנה תהי' למז"ש מתי שיתרצו הצדדים קנס מצד העובר לצד המקיים חצי נדן וקנס לא יפסוד וכ"ו קודם החתנה מחויב אבי הכלה ליתן עבור שכ"ל החתן מידי זמן סך שלשה רוח והחתנה תהי' משנת תקפ"ב רחש וכ"ו לחצאין והחתנה תהי' על הוצאות אבי הכלה מצד החתן ה"ה הרבני המופלא מ"ה עובדי' במ"ה אלעזר והשני ה"ה הרבני המופלא מ"ה יעקב יוסף במ"ה ישכר ומצד הכלה הרבני המופלא מ"ה נח יעקב במ"ה נתן העשיל והשני מ"ה יחזקאל עוזר במ"ה מרדכי וכחויב הצדדים לפנות את הערבות בכדי שלא יגיע להם שום ה"זיק ומחמת עיבור וקיסוס חלילה יעשו כתקבות שום וקנינו מן הצדדי' וכן הערבות על כל הא דכתיב במנא דכשר למקניא ב"י יום א ל"ג בעומר חי אייר שנת תקפ"א פה ק' ב ט ע ר נ י ו ר ק י א .

והכל שריר וקיים

נאם יוסף יצחק במ"ה יהודא ליב יצ"ו
ונאם לוי יצחק במ"ה יהודא ליב יצ"ו
נאם ארי' ליב בהר"ר ישעיהו יצ"ו

Тот же документ в печатном виде.

подвязан шнурком, как полагалось это делать хасидским евреям, а был застёгнут на пуговицу, как велось у землевладельцев, не приведи Господь.

«Вэйзмир (горе мне!)», - тяжело вздохнул реббе Яков: «Внук хасидского реббе из Чернобыля преступает заповедь «не следуй их обычаям» (Левит 18:3), застёгивает воротник своей рубашки на пуговицу, уподобляясь порочным помещикам!» Это замечание было сказано в присутствии последователей хасидского реббе из Тальне.

Умный реббе Дувидл молча проглотил обиду и ничем не ответил на это. В конце концов он ведь был младше (около 58 лет от роду) по сравнению с пожилым реббе Яковом (около 70 лет от роду), который был одним из лучших учеников хасидского реббе из Бершади. Но реббе Дувидл запомнил это оскорбление, и, по возвращении в Тальне, в отместку послал одного из своих учеников в Терновку заменить реббе Якова на посту раввина местечка.

Когда об этом стало известно в местечке, то среди жителей поднялась буря протеста, и большинство восстало против этого позорного акта, но наглый Закс, который, как мы упомянули выше, был близок к помещику, и к властям, и к прочим последователям хасидского реббе из Тальне, сам зажиточный и наглый человек, плевать хотел на все эти протесты, и назначил присланного реббе Гирша раввином местечка против воли большинства населения последнего. Между прочим, этот реббе (реббе Гирш) был дедушкой еврейского писателя Михи-Йосефа Бердичевского (Бен-Гориона) (1865-1921).

Когда униженный реббе Яков увидел, что творятся несправедные дела, святотатства, и что, не дай бог, могут возникнуть большие проблемы и непредсказуемые последствия, решил он смириться и покинуть местечко и свой пост раввина, и уехал на Святую Землю. Делать было нечего, и терновское общество смирилось с этим, и даже приняло решение до самой смерти реббе Якова посылать ему жалование, которое полагалось ему, пока он был раввином Терновки.

В день отъезда реббе Якова в землю Израильскую (1865) все лавки и заведения в Терновке были закрыты, и все жители, старые и малые, провожали его какое-то время. Когда же вернулись они, неожиданно налетел сильный ливень. Местечковские жители толковали между собой: «Даже небеса плачут по поводу исхода святого человека из нашей деревни. Как говаривали мудрецы, когда святой уходит из города, с ним уходят великолепие и слава.»

Нелёгкое путешествие реббе Якова в землю Израильскую заняло много недель, и когда он наконец достиг своей цели, то решил осесть в Цфате (Сафед- Г.К.), одном из четырёх святых городов Израильских (Иерусалим, Цфат, Тверия и Хеврон), городе каббалы (еврейского мистицизма) и «АРИ» (Раввин Ицхак Лурия, 1534–1572). Здесь купил он себе небольшой дом и собрал учеников в иешиву, где бесплатно преподавал Тору и почитание Бога. Между прочим, однажды жена его (это была его вторая жена) шла по улице в Цфате, и проезжавший мимо араб на осле безо всякой причины ударил её дубинкой, и она упала и скончалась.

Пятьдесят пять лет спустя после приезда реббе Якова Вортмана в город Сафед (Цфат – Г.К.) на Святой Земле (в 1865 году), один из его праправнуков, автор этих строк, прибыл сюда в иммиграцию и стал еврейским пионером, и поехал он в Цфат в поисках «следов пребывания» своего прадедушки – раввина. После долгих поисков ему удалось найти пожилого человека по имени реббе Натан, который следил за тем, как выпекается маца (было это незадолго до пасхи в году 5682-м [в апреле 1922 года]).

Реббе Натан сказал праправнуку, что он сам был когда-то учеником иешивы где изучал Тору под руководством реббе Якова, и ему было что сказать похвального по поводу прекрасного знания Торы последним. Реббе Натан даже сводил праправнука к дому реббе Якова. Дом этот давно превратился в руины. Видны были только остатки стен и плита на кухне. В те дни, в 5682 году (в 1922 году), в Цфате было немало порушенных домов, как будто они не имели никакой ценности. Очистить участок от развалин стоило больше, чем сама земля под ними.

На просьбу показать могилу реббе Якова старик ответил, что просит простить его, но он не помнит где она, ибо реббе Яков умер очень давно, и многие могильные камни попадали с тех пор и разбились, и вот он не помнит, где могила реббе Якова, ибо много лет уже не ходил на кладбище.

Между прочим, купчая (кушан, свидетельство о владении недвижимостью в Османской Империи) на дом, который купил реббе Яков в Цфате, послана была потомкам умершего в Терновку как наследство. Бумага эта хранилась у зятя реббе Якова Симхи Копмана. Потом она перешла к его внукам, братьям Копманам. Но из-за революции и гражданской войны братья уехали в разные уголки России, и купчая была утеряна.

3. Во славу реббе Якова

Много историй и легенд про реббе Якова ходило по Терновке. Вот, например, по субботам был у него обычай разговаривать только на Святом Языке (иврите) потому что, как он любил повторять, “Святой Язык очень подходит для Святой Субботы.” Не любил он власти и приводил слова наших мудрецов, что «вы должны ненавидеть властей предержавших» (Книга Отцов 1:10), и что он наставлял своих сыновей почитать Бога, трудиться, и обретать жизненный опыт. Один из них стал рыбаком, другой купцом. Ещё реббе Яков ходил по местечку и собирал пожертвования в свой большой красный платок, которые потом раздавал и евреям и не-евреям «в интересах мира». Часто, проходя по улице, останавливался он чтобы помочь пожилому человеку, женщине, или ребёнку с их ношей.

А вот отрывок письма реббе Якова, которое нашлось в семейной коллекции. Ниже приведён машинописный вариант этого письма.

Письмо начинается с упоминания что реббе Яков остановился в местечке Тараща накануне новолуния месяца Тамуза (в июне 1865 года) на пути в Святую Землю (возможно, чтобы поклониться могиле своего Учителя [и тестя] реббе Рафаэля из Бершади, который проживал в Тараще в конце своей жизни и был там похоронен в 1827 году).

קטע ממכתב או מרשימה בכתב־ידו של הרב ר' יעקב
(נמצא בגני המשפחה ; למטה נתון תעתיק המכתב)

צדקה רחמי ביום שבת...
היום צדקה לי אבי...
לכבוד ז"ל...
ליוצאי תלמוד...
לשם א"י

בין ימים הפניות הייב...
זאת ועוד...
לשם א"י

ועוד אלו אפרים...
הנה וזה ועוד...
ועוד החומר...
כי מתוך צניו החומר...
כך ירבה וכן יפרוץ...
תאכל בה לחם ופיי בעקדה אין הארץ היא

בעת שהייתי בעיר טראשטשע... על סבר מו"ד סובב נסיעתי לאה"ק בער"ח
תמוז. אמר לי לבי שאמשך א"ע שלא לעשות כי אם רצון השיי גם
להיות איש טוב ואחר ביאתי לאה"ק אמר לי לבי שאמשך א"ע מיה...
ומדות השפלות ושלא לשנא ח"ו לשום אדם מישראל וכשי"כ שלא
לדבר לשון הרע ח"ו
דין מידות הכרחיות היינו שלא להיות שקרן וכעסן
וגדלן ועקשן ובעל מרה שחורה ושלא לדבר לה"ד ח"ו ולאהוב ארץ
ישראל.
מסי עוללות אפרים על הגמרא שלשה דברים באים ע"י יסורים
תורה וא"י ועה"כ וכתב כי התורה קשה לקבלה מי שלא הורגל ביסורים
ועיבוי החומר מעודו כי כך דרכה של תורה פת במלח תאכל וכולי
כי מתוך צניו החומר יתגדל ויתרבה כח השכל בסוד אומרי כאשר יענו אותו
כן ירבה וכן יפרוץ וכך א"י כתיב בין ארץ אשר לא במסכנות
תאכל בה לחם ופיי בעקדה אין הארץ היא

* חותנו ר' רפאל מברשד דר באחרית ימיו בעיר טראשטשע.

Рассказывали, что один украинец, который каждый год накануне Пасхи в течение сорока лет в особых пасхальных кадushках привозил в дом реббе воду из дальнего источника – умер совсем неожиданно в тот самый год, как реббе Яков уехал в Цфат на Святую Землю... потому что, привозя воду реббе Якову, мол исполнил он цель своей жизни в этом мире...

Между прочим, на Пасху благоверные евреи не пользовались той водой, что привозили еврейские водовозы в своих бочках, ибо бочки эти не были специальными пасхальными бочками, а были обычными бочками, в которых эти еврейские водовозы возили воду весь год и которые они обдавали кипятком на Пасху чтобы сделать их кошерными.

4. Экономика местечка, или чем евреи добывали себе пропитание

Как и в большинстве еврейских местечек, в Терновке жители занимались оптовой и розничной торговлей, а также ремёслами. Была здесь даже «промышленность». Это была большая мукомольная мельница с паровым двигателем, куда украинские крестьяне с окрестных деревень свозили пшеницу, чтобы получить из неё муку. Была ещё большая и очень известная пивоварня. Терновское пиво было широко известно. Из дальних местечек и из больших городов приезжали люди за этим чудесным и знаменитым пивом. Пива было несколько сортов. Процветающие эти промышленные объекты принадлежали братьям Копманам, и были они потому самые богатые и уважаемые жители местечка.

Они были праправнуками реббе Якова Вортмана через своего деда Симху Копмана, зятя реббе Якова. Кроме того, были они крупными поставщиками сахарной свёклы для сахарных заводов Лазаря Бродского, еврейского «сахарного барона» (1848–1904). Завод был недалеко от Терновки. Благословенной памяти писатель Ицхак Норман из Дубово (30 км к СВ от Терновки) в юности служил в конторе у братьев Копманов.

А ещё было несколько мельниц на конной тяге, где мололи овёс, несколько суконных предприятий, куда местные крестьяне привозили состриженную со своих овец шерсть, и большая фабрика сельтерской воды, а также две маслобойки и фабрика по выпечке пасхальной мацы. Об уровне деловой активности в Терновке говорит тот факт, что в ней было двенадцать постоянных дворов и гостиниц, которые успешно кормили своих хозяев!

Раз в две недели в Терновке была большая, известная на всю округу ярмарка. Помню я один эпизод, связанный с ярмаркой, который дал основание говорить о «иудейских войнах», где евреи воевали за свои жизненные интересы. На ярмарку приезжали и продавали готовую одежду портные из других местечек, в основном украинцам, ибо евреи почти никогда не покупали готовую одежду, поскольку она была сшита из простой ткани и на живую нитку. Торговали они в палатках, вот против этих палаточников и началась война, поскольку они конкурировали с местными портными, задёшево продавая свою продукцию, и тем самым отнимая средства к существованию у местных еврейских портных.

Что же сделали местные портные? Они пошли жаловаться приставу. Конечно, пришли они не с пустыми руками. Умный украинский пристав дал им свой совет: пускай они установят свои собственные палаточные ряды для торговли одеждой, хоть им это совсем не нужно, ведь у них для этого были свои магазины в местечке.

Когда наступила ярмарка, пристав начал свой обход, ведь он должен был следить за порядком на ярмарке, и, обойдя несколько улиц, появился на улице, где в платяных рядах торговали одеждой портные. Увидев два ряда палаток, местных и пришлых, приказал он все палатки немедленно убрать, поскольку-де они мешают движению транспорта. Палатки конечно были свёрнуты без всяких жалоб и разговоров (местные ничего на этом не потеряли), но с тех пор пришлые палаточники в Терновку на ярмарку не приезжали и с местными не конкурировали.

5. Семейная история

В четвёртой главе мы уже упомянули про братьев Копманов, которые были одними из самых богатых и самых уважаемых в местечке. Дедушка этих братьев Симха Копман женился в своё время на дочери реббе Якова Вортмана, первого раввина Терновки. Симха был умным и образованным человеком, и один состоятельный господин из соседнего города Умани, главного города в округе, пригласил Симху Копмана учителем к своим детям. В течении 20 лет Симха жил в доме этого господина, периодически наезжая с визитами в родную Терновку (около 32 км на ЮЗ).

Этот богатый господин из Умани имел множество деловых связей с польскими помещиками, которые приезжали к нему домой. У них-то смыслённый Симха выучился польскому языку, а также манерам и этикету польских помещиков. После двадцати лет учительствования, Симха забросил это занятие и занялся бизнесом. Он установил контакты с многими помещиками в округе, и они полностью доверяли ему, потому что он был умным, образованным человеком, которому можно было доверять, и они ему благоволити, и во всём на него полагались.

После смерти Симхи его дело продолжил сын Абрам Копман до тех пор, пока и он не заболел, слёг в постель на долгие годы, и затем умер. Во время болезни Абрама его жена Цуртел, героическая и энергичная женщина, продолжила дело мужа с помощью своих сыновей (у неё было шесть сыновей и одна дочь), особенно с помощью двух старших сыновей Якова и Хаима, которые стали опорой многим ветвям клана Копманов.

Один из шести братьев, Арон, в юности уехал в США, где работал водителем трамвая, и... стал социалистом. Братья просили Арона бросить «золотую землю» и свой трамвай и вернуться в Терновку, где они обещали ему безбедную жизнь. Но он отказался. Казалось, что, как социалист, он не хотел возвращаться в реакционную Россию, и особенно не хотел стать приживалкой при своих братьях-капиталистах... Вернулся он только после большевистской революции.

Знание английского языка помогло ему неплохо устроиться в Советской России, а как социалист он был очень доволен революцией. Что касается его братьев, то эти «капиталисты» совсем обнищали и остались ни с чем. Все их предприятия: и мельница, и пивоварня, и всё остальное было экспроприровано. Оставшись без средств к существованию, братья уехали из местечка, и их разбросало в разные места, где они страдали, как большинство евреев и других жителей России во время революции.

Вот так один из самых доблестных кланов местечка, те, что всегда щедро помогали любому в беде и страдании, покинули родную деревню, и унесло их как пыль ветром...

6. Образование

Еврейские дети получали образование в хедерах (однокомнатных школах, где еврейские мальчики от 3 до 13 лет осваивали основы иудаизма). Среди прочих хедеров был в местечке один, как бы это сказать – современный. Это не был «улучшенный хедер» (с преподаваемыми предметами в дополнение к иудаизму, не приведи господь). Скорее, современность эта выражалась в том, что молодой учитель, Тевье Клинг, сам студент иешивы, сказал своим ученикам называть его не реббе, а «господин учитель». Другой инновацией было то, что каждую неделю два ученика назначались дежурными, в обязанности которых входило следить за чистотой и вытирать школьную доску (да, в этом хедере была даже школьная доска). Этот меламед (учитель в хедере) преподавал своим ученикам в дополнение ко всему иврит, грамматику, и как писать письма.

Среди прочих выделялся маленький хедер реббе Аарона, сына раввина Давида Кругляка, который был раввином общины. Реббе Аарон, студент иешивы, уже был возведён в ранг раввина, но не получил пока своего прихода ни в одном местечке. Но семью надо было как-то кормить, вот он и собрал вокруг себя лучших мальчиков местечка, сыновей самых важных и богатых родителей, и стал учить их Торе и Талмуду. Потом он получил кафедру в городе Богуславле в Киевской губернии, и оставался там несколько лет до самого конца Первой мировой войны, а потом с ним случился несчастный случай, и он остался навсегда парализованным. Его взяла к себе его дочь, которая проживала к тому времени в Палестине.

В дополнение к традиционным хедерам, была ещё частная еврейско-русская школа, основатель и директор которой был господин по фамилии Мендельсон, из другого города. У него был сертификат на право преподавания русского языка, и был он немного эксцентричным, вроде как студент иешивы «опоздавший на поезд». Поскольку сам он не мог обучать всех своих учеников, ведь в этой школе было несколько комнат, то жена его, и дочь, и малолетний сын работали помощниками учителя. Впоследствии упомянутый выше Тевье Клинг поступил в эту школу и преподавал в ней своим ученикам один час в день иврит. Таким образом, они как бы учили Тору, которую им полагалось изучать в хедере...

Мендельсон привнёс в местечко новый обычай. С наступлением мая, месяца весны, он брал своих учеников на прогулку в ближайший лес, где они весь день отмечали «праздник весны» на лоне природы. Конечно, к ним присоединялись многие молодые парни и девушки, чтобы приятно провести время, не говоря уже о разносчиках прохладительных напитков и сладостей.

В дополнение к этой еврейско-русской школе, в Терновке была ещё и настоящая школа, где говорили только на иврите. Все предметы преподавались на иврите, и ученики, по крайней мере в стенах школы, разговаривали между собой только на иврите. И если кто-то вставлял иностранное слово или слово на идише, то его штрафовали.

Основатель этой ивритской школы был молодой учитель из местечка Саврань (около 65 км на юг от Терновки) по имени Нотик (Натан) Шаргородский, брат доктора Фани Шаргородской (1879-1950), писателя и учителя, которая издавала пособия для изучающих иврит новых репатриантов в Израиле, а ещё она придумала новый способ стенографировать иврит. В конце жизни она заведовала педагогической библиотекой профсоюза учителей в Израиле.

Всё было хорошо в этой школе, пока вдруг по какой-то причине Н.Шаргородский не покинул Терновку и подался в другое местечко, и школу эту закрыли к большой радости меламедов и к досаде и разочарованию учеников и прочих жителей. После этого в местечке открылись две новые школы, где пол дня преподавали на иврите, и пол дня на русском. Одна из школ принадлежала учителю Абраму-Янкелю (Якову), а другая учителю Айзенбергу, зятю Ицхака-Шмуэля (Itzig-Shmelkes).

В дополнение к этим школам и к школе Мендельсона в местечке были ещё две русские школы, в одной из них преподавали православие (она принадлежала Православной церкви), где было только четыре класса, а другая восьмилетняя государственная начальная школа, где преподавание было на высоком уровне. Очень немногие еврейские мальчики ходили в эту школу, потому что писать там полагалось даже в субботу.

Среди немногих учеников этой школы были дети габая, директора синагоги Бейт ха-Мидраш, богатого и уважаемого еврея, который не строго следовал Торе, так что его дети могли писать и по субботам. Сам факт того, что дети габая синагоги Бейт ха-Мидраш при всех пишут в субботу, вызвал бурю гнева у набожных прихожан и раввина, которые потребовали, чтобы либо он забрал детей из этой русской школы, либо оставил пост габая.

Те же, кого не устраивало только начальное образование, уезжали в другие города, где были средние школы, и пытались поступить в них. Конечно, это было «роскошью», которую могли себе позволить только дети богатых родителей и некоторых обеспеченных граждан. Несколько мальчиков, среди них мой брат Мойше, уехали в Лиду что недалеко от города Вильно (сейчас это в Беларуси) в иешиву, где они изучали Тору и светские науки, что приравнялось к четырём классам средней школы. Широко известный педагог светлой памяти Пинхас Бен-Сира (Шифман) (1873-1945) преподавал им ивритскую литературу, впоследствии он преподавал и здесь, в Израиле. Основателем и директором этой иешивы был знаменитый реббе Ицхак-Яков Райнес (1839-1915), основатель сионистской религиозной организации «Мизрахи».

Несколько закончивших «лидскую иешиву» мальчиков примерно за год до начала Первой мировой войны ездили в Палестину и учились в гимназии в Яффе, а также в Иерусалимской Семинарии. Среди них был ветеран израильского образования Йехошуа Ха-Мейри (Yehoshu'a HaMe'iri) и его брат-учитель блаженной памяти Шрага. Инженер – геодезист из Хайфы Бен-Цион Янай, сын Давида Яновского, также эмигрировал в Израиль с семьёй и учился в школе Реали в Хайфе (Real School) и в других.

В 1919 году группа активистов решила основать ивритскую гимназию. В местечке был большой старый замок, построенный одним из прошлых землевладельцев примерно за 200 лет до этого. Там было множество комнат, залов и подвальных помещений, но всё это было заброшено и заколочено, и только недавно часть замка переоборудовали под склад зерна. Огромный этот замок, породивший множество легенд, ходивших по местечку, был построен в виде замкнутого прямоугольника, а внутри был большой двор с четырьмя огромными дверьми в двух стенах.

Казалось, что он как бы специально был построен для того, чтобы здесь была открыта гимназия. Общество начало ремонт, открыли запись учеников, и даже наняли учителей. Доктор Фогельман из Умани был принят на работу директором гимназии. Это тот самый доктор Гилады, что был директором Ремесленного Училища Геула в Тель-Авиве, и который сейчас (1970-г.к.) открыл частную психиатрическую практику.

В местечке уже готовились отпраздновать открытие новой гимназии, где все предметы должны были преподаваться на иврите, но тут по Украине прокатилась страшная волна погромов, и гимназия так и не была открыта. Сам доктор Гилады чудом остался жив, когда бандиты ворвались в дом Копманов (доктор временно жил здесь в ожидании приезда своей семьи) и убили младшего из братьев Копманов, Баню, да отомстит Господь за кровь его.

7. Частные педагоги

Некоторые мальчики и девочки учили русский язык не в школе, а у частного педагога, особенно те, кто учился только в хедере. Обычно урок длился один час в день, или час через день, и, кроме чтения и письма, учитель преподавал детям общие понятия из географии, арифметики, и прочих предметов.

Эти почасовые учителя не были постоянными жителями местечка. Они приезжали на год или два, и, заработав немного денег, уезжали, чтобы продолжить своё образование или преподавать в другом местечке. Даже дети самых ортодоксальных евреев учили основы русского языка, чтобы иметь возможность прочесть вывеску или написать адрес на почтовом конверте.

Мальчик или девочка, которые могли написать адрес на письме в Америку, были весьма уважаемы теми, кому надо было послать туда письмо. Обычно это было нужно самым бедным людям. Женщины, чьи мужья или сыновья эмигрировали в тяжёлые времена в Америку, обращались за помощью к этим «экспертам», или шли к педантичным учителям-меламедам, которые знали как написать почтовый адрес и умели играть в шахматы, или к аптекарю, чтобы им написали этот самый мудрёный адрес. Эти простые неграмотные женщины, чьи письма на идише и записаны-то были не ими, считали, что для написания этого адреса человек должен был обладать высшей премудростью и, может быть, магией.

Девочки обычно учились читать сидур (молитвенник) не в хедере. Алфавиту и чтению их учили дома. Это был учитель самых маленьких детей, на каждую девочку он тратил полчаса за визит. Звали этого меламеда Йонтель (Yom-Tov), имя это не часто встречалось у евреев в Восточной Европе (оно было больше распространено у евреев из Средней Европы).

8. Эмиссар

Однажды, года за два до начала Первой мировой войны, мы, малышня, расположились в хедере вокруг стола нашего учителя, реббе Аарона Кругляка, сына раввина местечка, о котором я уже упоминал в шестой главе, и занимались, раскачиваясь над Гемарой (вторая часть Талмуда), повторяя урок под заунывную мелодию, и вдруг дверь хедера отворилась, и в комнату вошёл человек тёмной наружности, совсем не похожий на местных евреев.

Когда реббе спросил его, что ему угодно, стало очевидно, что вопроса, который был конечно же задан на идише, незнакомец совершенно не понял. После чего тот заговорил на языке, в котором ученики и даже учитель вряд ли понимали хоть одно слово. И дети, и учитель смотрели на пришельца будто это была курица, а не человек, и только после того, как мужчина тут и там стал употреблять русские слова и слова из идиша, которые, судя по произношению, он только недавно выучил, реббе понял о чём идёт речь. Поскольку реббе не привык к такому выговору, понять незнакомца было ему не просто.

Оказалось, что незнакомец был евреем, но не простым евреем, а евреем из далёкой Персии, земли где стоит Шушан со своим дворцом, земли короля Ахашвероша (Ксеркса) и царицы Эстер, Мордехая и проклятого Амана (библейская история, связанная с временами вавилонского рабства - Г.К.), а говорил этот еврей не на фарси, а на языке Священного Писания, на иврите. Так сказал нам наш учитель реббе Аарон.

Услышав это, мы были очень сильно удивлены. Как это возможно, что он говорит на Святом Языке, ведь мы, ученики, которые уже познакомились с хумаш (печатный вариант Торы – Г.К.), Книгой Пророков, Мишной (устная Тора – Г.К.) и Гемарой (Талмуд), знали Святой Язык. Почему же мы ни слова не поняли в его Святом Языке? Между языком Торы, языком сидура (молитвенника), которые написаны на Святом Языке, и Святым Языком этого пришельца не было ничего общего.

Может быть он говорит на арамейском языке, подсказали мы реббе. И тогда реббе объяснил нам, что Святой Язык, на котором говорят евреи Персии и сефардские евреи в общем тот же самый Святой Язык, как и тот, что знаем мы, потому что их Тора точно такая же как наша, и то же относится ко всему остальному Священному Писанию, за исключением произношения гласных и согласных.

Реббе попробовал разговаривать с незнакомцем на ашкеназском иврите, но речь его звучала так, как будто у него не было зубов. С грустью смотрели мы как наш учитель истязает себя, пытаясь говорить с евреем из страны где стоит «Шушанский дворец». И только после долгих попыток понять друг друга с обеих сторон, только после того, как персидский еврей догадался вынуть из кармана сопроводительное письмо и показал его учителю, только тогда реббе понял цель приезда этого еврея.

Вот что рассказал нам наш реббе выходило из написанного на Святом Языке письма этого еврея: «В прошлом году страшные политические беспорядки начались в Персии (речь идёт о кровавом погроме в Ширазе в 1910 году), и многие злые персы воспользовались ситуацией в стране чтобы начать погромы в нескольких еврейских общинах в Персии. Бандиты убивали, калечили, насиловали и грабили, они сожгли множество домов, и принесли горе и разрушение в тысячи еврейских семей в Персии.

Теперь, когда беспорядки стихли и порядок восстановлен, пострадавшие общины решили послать эмиссаров к евреям диаспоры, и, среди прочих, к евреям соседней России, чтобы просить их протянуть руку помощи в деле восстановления этих уничтоженных сообществ и щедро пожертвовать деньги на благо раненых. Одним из этих посланных собирать пожертвования, которых отправили главы сообществ и раввины, и был наш эмиссар снабжённый сопроводительным письмом.”

После того, как реббе внёс своё пожертвование, эмиссар попросил и его самого подписать сопроводительное письмо (эмиссар знал, что наш реббе был к тому же сыном раввина) в дополнение к уже собранным подписям раввинов и габаев разных синагог. Письмо обращалось к жителям местечка с просьбой щедро подавать деньги на благо раненых. Реббе согласился и подписал письмо.

После ухода эмиссара мы, ученики, пожалели, что не спросили его, почему евреи Персии не поднялись против своих врагов, как сделали они это во время проклятого Амана, и почему не смели они всех, кто желал им зла, ударом меча, как сказано в Книге Эстер... А когда спросили мы об этом нашего учителя, он ушёл от ответа...

Долго ещё стоял перед нашими глазами образ этого еврейского мужчины из Персии-Медии, земли Ахашвероша и царицы Эстер...

9. Библиотека и театр

До революции 1917 года в местечке не было ни библиотеки, ни театра. Книгу для чтения надо было купить или одолжить друг у дружки. В 1912 году местечко посетил представитель издательского дома «Централь» из Варшавы, которому удалось продать еврейским книголюбам книг на сотни рублей. Даже мой отец, мой учитель и наставник Цви Вортман, да не померкнет память о нём, купил много книг на иврите у этого агента, среди них «Все поколения и их мыслители» Ицхака Хирша Вайса (1815-1905), книги Переца Смоленскина (1842–1885) и Михи Йосефа Бердичевского (1865-1921), и другие.

Каждый год накануне Рождества, когда благоверные евреи не обязаны были читать религиозные книги, наш сосед реббе Давид Кругляк обычно посылал к нам своего сына с просьбой читать светскую книгу, «Все поколения и их мыслители» про развитие устной Торы (Талмуда) Ицхака Хирша Вайса.

Что ни говори, а театров в местечке не было. Кроме как в некоторых районах, еврейских театров в России вообще не было, поскольку правительство их запрещало. Но был здесь «театр теней». Я имею ввиду пьесу на сюжет праздника Пурим. Цирюльник Израиль Трилипки (Тёхгубый, поскольку верхняя губа у него была раздвоенная, так что у него как бы было не две, а три губы), каждый год собирал труппу актёров, которые играли традиционные пьесы, обычно в домах богатых людей – «Мордехай и Аман», «Иосиф и его братья», и так далее, как это прекрасно передал в своих произведениях Шолом-Алейхем (Соломон Рабинович, 1859 – 1916).

После революции 1917 года несколько юношей и девушек взяли на себя организацию культурной жизни в местечке. Собрал по домам книги на идише, иврите и на русском языке, они основали народную библиотеку. Собирались также денежные пожертвования на нужды библиотеки. Во главе этого движения стояла привлекательная образованная Хава, дочка Михаила Яновского, которая вскоре умерла в расцвете лет. Одновременно с этим организовался самодеятельный театр. Директором был странствующий актёр. Он получал в качестве жалования половину сборов, а вторая половина шла на нужды библиотеки и местной сионистской организации.

Спектакли игрались на идише. Во время одного из представлений, «Бог, человек и Сатана» по пьесе Якова Гордина (1853–1909) (в русском переводе - «Сатана», 1909, по этой пьесе снят американский чёрно-белый фильм - Г.К.), чуть не произошла трагедия. Ученик по имени Саня, сын аптекаря, по ходу спектакля должен был попытаться повеситься. Но во время представления кто-то выбил из-под него стул, и он повис между потолком и полом и чуть не задохнулся. Послали за доктором, и юношу чудом спасли.

Спустя год в местечко приехала бродячая труппа. Только они успели показать только несколько пьес, как в округе началась волна погромов, и ни у кого не было настроения ходить в театр. Поскольку на дорогах шалили бандиты, артисты застряли в местечке надолго. И если бы общество не позаботилось о них, то служители муз умерли бы с голоду. И только после того, как волна погромов и убийств спала, труппа смогла продолжить свои скитания.

10. Артист Окунь

Как и в большинстве местечек, артисты в Терновке бывали очень редко. Какой артист согласится спуститься с Олимпа большого города чтобы играть в глухой провинции? Однажды наше местечко осчастливил своим появлением наделённый многими талантами молодой артист по фамилии Окунь. Во время своих чтений и выступлений летом 1918 года он просто очаровал зрителей. Читал он истории из библии, из Талмуда, рассказы И.Л.Переца (1852–1915). Этот артист обладал таким высоким художественным чутьём, что во время его выступлений образы героев оживали как после прикосновения волшебной палочкой.

Одна из притч из Талмуда, которую он читал, была очень эмоциональна. Когда Верховный жрец в Иерусалимском Храме увидел, что начался пожар (это было в 70 –м году нашей эры), он с группой молодых священников, которые несли ключи от Храма, поднялся на самый верх крыши Храма, и сказали они: «Господь, не можем мы больше служить Тебе, отправляем Тебе ключи от дома Твоего», и они кинули ключи вверх, к небу.

Когда артист изображал горящий Храм, спокойную фигуру Верховного Жреца на крыше, вознесённые вверх руки, кидающие ключи в небо, то дрожь прокатилась по рядам зрителей. Они воочию видели, как пламя лижет одежды стоящего смиренно Верховного Жреца, в то же время обуюнного шквалом эмоций, видели, как кидает он вверх ключи на небо, и казалось им, что Храм охвачен пожаром у них на глазах.

В заключение прочитал он рассказ И.Л. Переца о двух сёстрах, одна из которых была скромная и праведная, а другая распущенная, блудница, но, когда пришло им время умереть, всё поменялось. Так называемая блудница, которая против своей воли жила в замке помещика, имела чистую душу и жаждала чистоты и святости, и мечтала жить среди народа своего, и, когда она умерла, ангел с белоснежными крыльями подхватил её душу и вознёс к Вратам Рая.

В то время как «скромная и праведная» сестра, жившая среди своего народа, всю жизнь мечтала о жизни распущенной в замке как велось у помещиков, а скромность её была напускной. И когда она умерла, чёрный ангел выпрыгнул и схватил её чёрную душу и бросил в горящий Ад.

Аудитория, все до единого зрители, были взволнованы представлением и контрастом между двумя мирами, который так талантливо изобразил артист. Долго ещё вспоминали это представление те, кому довелось его увидеть. Такова сила великого артиста!

11. Синагоги и молельные дома

Евреи построили в местечке пять молельных домов:

1. Синагога “Бейт Мидраш” (Дом Учения), в которой приезжие проповедники произносили свои проповеди, чтобы собрать деньги на иешивы в России или на Святой Земле;
2. Старая “Клойз”, где молился раввин;
3. Новая “Клойз,” прекрасное здание в центре местечка, которое возвели «современные» студенты иешивы;
4. “Клейзел” (малый “Клойз”), где в основном молились жители дальних улиц местечка, что были около речки (речка Удич);
5. Большая Синагога, высокое здание, построенное из глины и кирпичей, прикрытое деревянными панелями снаружи. В этой синагоге собирались в основном торговцы.

В этой синагоге они молились только по субботам и праздникам, а в остальные дни недели они молились в двух маленьких синагогах “Schilechlach” расположенных по обе стороны от входа в Большую синагогу. В маленьких синагогах молились в основном кадишники (кадиш – молитва об умерших). Они вставали с рассветом чтобы успеть помолиться до начала работы. Собирались также «миньянщики» (миньян - кворум из десяти взрослых мужчин, необходимый для общественного богослужения и для ряда религиозных церемоний) чтобы помолиться перед отъездом на ярмарку в другое местечко, или перед тем как разойтись по своим предприятиям и рабочим местам.

А вот что случилось более ста лет назад, когда построили Большую синагогу. Земля в местечке принадлежала греческому помещику, но отдельные участки с давних времён принадлежали общине и не были во владении этого грека. На одном из таких участков и построили Большую синагогу.

Помещик же утверждал, что синагога построена на его земле, и однажды в субботу, когда все евреи собрались внутри синагоги и молились, завернувшись в талесы (молельные одежды), он послал рабочих – христиан разобрать эту синагогу. Когда молящиеся узнали, что рабочие рушат стены здания, они выскочили наружу в своих талесах, и с позором прогнали пришельцев. Так что синагога осталась стоять во всём своём великолепии.

Много лет спустя, после большого ремонта, молодой художник по имени Хайних, который учился в Академии Художеств в Одессе (после, во время революции, он обучился медицине и стал хирургом), вознамерился написать прекрасные картины на высокой «Восточной стене» синагоги по обе стороны от Святого Ковчега. На одной стороне он нарисовал оленя, а на другой

льва, и под ними стих из Талмуда (Этика Отцов 5:23): “ Будьте быстры, как олень, и сильны, как лев, чтобы творить волю Отца вашего Небесного.”

Это было единственное произведение искусства во всех синагогах местечка. Прекрасный Святой Ковчег в Большой Синагоге был очень высок, и представлял собой большую художественную ценность. На эту работу у опытного столяра ушло много месяцев. Его подарил синагоге бездетный состоятельный еврей - сборщик налогов из близлежащей деревни Антоновка (около 16 км к востоку от Терновки). День, когда Святой Ковчег внесли в синагогу, был объявлен праздничным днём. Сотни евреев и даже не-евреев столпились вокруг Святого Ковчега, когда его несли в Большую Синагогу с песнопениями под аккомпанемент музыкальных инструментов.

А ведь чтобы вынести Святой Ковчег из столярной мастерской пришлось разобрать стену дома. Во время торжественной церемонии привнесения Святого Ковчега празднующим раздавали вино и кексы. Большая Синагога, старая (Клойз), и синагога «Бейт Мидраш» стояли друг возле друга в форме треугольника. Рядом была полицейская управа и пожарная станция. Молодой и дородный еврейский кузнец по имени Бар-Давид был начальником пожарной команды и отвечал за зажигание больших газовых фонарей, что висели на высоких столбах и освещали всю округу.

12. Бунт торговцев

Айзик Атран много лет был габаем, директором Большой Синагоги. Это был простой, но нахальный еврей, верный союзник помещика, и близкий к властям человек. Он управлял синагогой очень напористо. Вообще-то его всегда протаскивало очень активное меньшинство прихожан, его личных друзей и приближённых. Он обращался со своими «подчинёнными», лавочниками и торговцами, с презрением, и часто дискриминировал их, когда подходила очередь читать Тору, или исполнить что-либо другое почётное, так что право читать Тору или другие почётные обязанности уходили в основном к его друзьям и приближённым – торговцам лошадьми, мясникам, и прочим.

И вот однажды во время праздника Суккот, когда подошло время выбирать габая, они набрались духу и выступили против «пожизненного габая», и выбрали габаем одного их своих. Но наглый «пожизненный габай» совсем не испугался этого большинства, а даже заявил, что не только сам он будет сидеть на этом стуле пожизненно, но и сын его Береле (Дов, медведь), которого он родил довольно поздно в своей жизни, будет сидеть на этом стуле. И он продолжил как обычно выходить на «биму» (платформа с которой читают Тору), и распределять кому читать Тору, и сидеть на габайском стуле, как будто выборов и не было.

Он опирался на своих могущественных покровителей, на помещика, и на власти. Тогда уж лавочники вышли из себя и силой прогнали его с «бимы». После чего между двумя партиями начался серьёзный мордобой, пролилась кровь, и драка продолжалась как только противники встречались случайно на улице, и было так несколько дней подряд, и это даже вызвало богохульство. В конце концов большинство победило, и власти были вынуждены утвердить нового габая, избранного подавляющим большинством прихожан.

В знак протеста против этого «позорного акта» наглый габай и его приближённые покинули Большую синагогу и арендовали для своих нужд большую комнату, где они собирали свой миньян. Они мечтали основать свою собственную синагогу, но это у них не получилось. После двух-трёх лет миньян этот распался, и все молящиеся разошлись по разным синагогам. Так закончилось восстание «пролетариата» против диктатуры «тирана» в Терновке.

Между прочим, в Терновке было ещё и две церкви, одна католическая, и одна Русская Православная. Около католической церкви на въезде в местечко была большая площадь где евреи обычно прохаживались в субботу прямо перед закатом. Отношения между представителями этих двух верований были нормальными. Часто не-евреи обращались к раввину чтобы он разобрался в их спорах и разногласиях, обычно из-за денежных отношений, поскольку они знали, что он будет прям, честен, и неподкупен.

А ещё бывало христиане обращались к раввину чтобы перейти в иудаизм. Обычно он отказывал им, советуя обратиться к раввину в большом городе, тем самым увиливая от многих проблем, связанных с переходом в иудаизм в России.

13. Жених Торы

(В день праздника Симхат Тора для чтения последней части Торы вызывается видный член общины и его называют «Женихом Торы»)

Как и во всех синагогах и молельных домах в рассеянии, право чтения последней части Торы в новом «Клойзе» продавалось на своеобразном аукционе. Кто заплатит большую цену, тот и будет читать последнюю часть Торы. В один год, когда «шамаш» (пономарь) нового «Клойза», рыжебородый Мойше, объявил начало торгов за право стать «женихом Торы» (смотри выше), между двумя богатыми господами, Хаимом Копманом, одним из уважаемых братьев

Копманов, и Мойшей Чёрным (его прозвали так из-за довольно тёмной кожи), который, будучи поначалу бедным, сумел разбогатеть.

Это был умный и хитрый еврей. Когда шамаш объявлял новую цену, он повышал её, и так продолжалось снова и снова. Прихожане, открыв рот от удивления, слушали как цена за право читать последнюю часть Торы поднималась до невиданных прежде высот. Всем присутствующим нетерпелось узнать, кто же выиграет торг. Когда сумма стала совсем уж непомерной, Хаим Копман сдался, и Чёрный Мойше выиграл свой жирный куш – стал Женихом Торы.

Многие из присутствующих без сомнения были разочарованы. Во-первых, они сожалели, что Хаим Копман не выиграл право читать последнюю часть Торы, право, которое он заслужил больше, чем его соперник, а, во-вторых, потому что он сдался слишком рано. Если бы Хаим Копман продолжил торг, Мойше Чёрный, который хотел выиграть этот вожделенный приз любой ценой, продолжал бы поднимать цену, и Клойз бы от этого только выиграл. В тот год титул «Жениха Торы» стоил Мойше Чёрному 50 рублей, по тем временам очень большие деньги.

Между прочим, Мойше Чёрный, как и его соперник Хаим Копман, был владельцем мукомольни, хотя формально не владел ею, а взял её в аренду. Эта мукомольня, что сделала его таким богатым, находилась в деревне Юрьевка поблизости от Терновки (8 км на СВ). Жертвуя большие суммы денег на благотворительность, он сумел войти в круг очень важных персон. Он щедро одаривал общества помощи бедным и религиозные организации. Он отремонтировал и покрасил комнаты и залы прекрасного особняка, купленного им у богатой семьи Токманов, которая переехала в другой город. Комнаты покрасили масляной краской, которая стоила огромных денег.

Чтобы получить ещё большее уважение в местечке, он послал своего сына, парня примерно 13 лет, учиться в гимназию в Гайсин, уездный центр (Гайсинский уезд делился на три округа - Куна, Теплик, Терновка, с 1881 года в состав Гайсинского уезда вошло 12 волостей – Г.К.). Он тратил огромные деньги на образование этого молодого человека в гимназии: большую сумму директору и экзаменаторам, ценные подарки директору и учителям класса, где учился его сын, подарки к каждому христианскому празднику и к каждому дню рождения, приличное месячное жалование частному педагогу, который помогал мальчику делать уроки, плюс стоимость самого обучения в гимназии, а ещё плата за комнату и столование в сумме 40 рублей в месяц, причитавшиеся известному адвокату, у которого проживал юноша, и т.д. Но в глазах честолюбивого отца всё это стоило того, чтобы сын стал доктором.

Когда сын приезжал домой на каникулы, и они вместе шли в новый Клойз, его тёмное лицо светилось нескрываемым счастьем. Сын, одетый в королевской красоты форму гимназиста, со сверкающими пуговицами, непременно привлекал внимание прихожан. Отец это замечал, и тогда глаза его удовлетворённо сияли.

Возможно вы думаете, это мол обычное дело, что гимназист может стать доктором? Писатель Иегуда (Идель) Штейнберг (1863–1908) в одной из своих книг рассказывает, как еврейский гимназист пришёл со своим отцом на праздник в синагогу, и молящиеся подходили к нему как к особе королевской крови, громко с ним здоровались, поскольку еврейский гимназист в то дореволюционное время в маленьком местечке был большой невидалью, ведь в учебные заведения евреев принимали по квоте.

14. Медицина в местечке

В центре местечка стояла больница, но туда обращались только самые бедные. В этом земском медицинском заведении все работники были не-евреи. Отталкивало местечковых то, что там была христианская атмосфера и плохое обслуживание. Евреи лечились у еврейского доктора, нанятого и частично оплачиваемого общиной. В основном этот доктор жил с доходов своей медицинской частной практики.

Ещё в местечке было два еврейских фельдшера: пожилой литовский еврей Аврумка-доктор, и огромный еврей Вельвел-доктор. Лечили они обычно с помощью лекарств, которые сами готовили. У них лечились обычно бедняки, и те, кто был не так сильно болен чтобы идти к настоящему врачу. Фельдшер получал одну треть от жалования доктора. Даже не-евреи часто обращались к этим фельдшерам, хотя у них была возможность лечиться в земской больнице. Ещё в местечке была женщина - зубной врач, а также профессиональная еврейская женщина - повитуха в дополнение к нескольким непрофессиональным повитухам - еврейкам.

В дополнение к уже упомянутым докторам и фельдшерам, на окраине местечка жил старый польский доктор, хороший специалист, которого давным-давно выписали из-за границы помещики. Время от времени евреи обращались к доктору Микоски, в котором они души не чаяли. В случае серьёзного недомогания больного перевозили в близлежащий город Умань (около 32 км к СВ), где было несколько десятков докторов разных конфессий, в том числе известный доктор Лисовский.

Нередко к богатым местечковым больным вызывали известного доктора из Умани. Гонорар был не менее 50 рублей плюс расходы на проезд. Так же часто приглашали одновременно еврейского доктора и старого польского доктора Микоски. Когда в местечке появлялся вызванный из Умани доктор, многие местные больные старались воспользоваться оказией и просили его совета. А если нужна была серьёзная операция, больного транспортировали в Одессу в знаменитый частный госпиталь доктора Зильберберга.

Больные ревматизмом ездили лечиться грязями на Лиман около Одессы, за 320 км от Терновки. Лёгочные больные летом отправлялись в расположенный в сосновом лесу неподалёку, у деревни Жолонек (около 20 км на ЮЗ) санаторий, или ещё дальше в Сосновку (около 150 км на СЗ). Ипохондрические жёны богатых мужей ездили в Крым “лечиться виноградом”, больше чтобы подчеркнуть свой статус, чем для излечения и укрепления здоровья. Сами доктора часто советовали таким пациенткам съездить в Крым для «лечения виноградом», только чтобы поскорее от них избавиться.

Молодёжь местечка организовала благотворительное общество «Помощь и уход за больными на дому» . Они ставили себе задачей помочь бедным больным людям найти доктора, снабдить их лекарствами, и даже принести им кастрюлю супа или приготовить курицу. Очень часто эти юноши и девушки, члены вышеназванного общества, выполняли роль медсестры, по очереди спали в домах бедных больных людей чтобы помочь им встать на ноги. Деньги на это общество жертвовали жители местечка.

15. Эпидемии чумы, испанки и тифа

Эпидемия чумы случилась в середине Первой мировой войны. Чтобы предотвратить распространение чумы, власти приняли строгие меры. В это время терновский еврей А.В. с двумя сыновьями был на ярмарке в другом местечке, и там он заболел чумой. Сыновья испугались, что, если власти узнают про болезнь, то отца заберут в больницу, отравят, а труп сожгут. Такие вот слухи ходили в массах.

И что же они сделали? Они немедленно наняли повозку и бежали, воспользовавшись объездными путями. Когда власти об этом узнали, за ними послали погоню, чтобы поймать и вернуть, потому что была большая вероятность, что они принесут болезнь туда, где её ещё не было. Но посланные вдогонку не смогли их найти, потому что они спрятались в лесу. Там, в лесу, в избушке лесника, они пытались лечить отца примитивными средствами, но ничто не помогало. В ту же ночь он умер. Леснику они конечно же не сказали, чем болел отец, и сами чудом не заболели.

Под покровом ночи ввезли они тело отца в местечко и тихо и незаметно похоронили, поскольку боялись, что власти сожгут труп, и отец не получит еврейских похорон. Власти Терновки они видимо подкупили.

Чтобы предотвратить распространение болезни, власти предупредили население не пить сырой воды, и поставили в местечке котёл с кипящей водой, где каждый мог получить кипяток бесплатно.

После Первой мировой войны в Европе распространилась испанка. Испанкой она называлась потому, что эпидемия началась в Испании, и оттуда распространилась, убив много людей. От испанки умерло больше людей, чем погибло во всей Первой мировой войне. В Терновке от испанки умерло несколько человек, в их числе был юноша, единственный и любимый сын своих родителей. Много людей умерло в Терновке от тифа, который появился вместе с бандами во время Гражданской войны.

Когда летом 1919 года банда Клименко среди ночи ворвалась в местечко, бандиты постреляли в несколько еврейских домов. Несколько евреев погибли от этого обстрела. Пуля попала в ступню одному молодому человеку, проживавшему с семьёй на втором этаже дома своего свёкра Авраама Маданека. Этот двухэтажный дом стоял в центре местечка.

После того, как банда ускакала, к молодому человеку прислали доктора. Осмотрев рану, он посоветовал немедленно отвезти раненого в Умань, где были хорошие хирурги. Семья наняла повозку, чтобы ехать в Умань. Но им пришлось вернуться обратно, поскольку дорога на Умань кишела бандитами, и путешествие было смертельно опасным.

Все три местных доктора, которых срочно собрали на консультацию к раненому, были врачами общего профиля, не хирургами, они не знали что делать. Ступня распухла, и они боялись распространения инфекции по всему телу, боялись заражения крови, и, с тяжёлым сердцем, не имея другого выбора, они решили ампутировать ступню. Эту серьёзную сложную операцию провели в примитивных условиях в местной больнице, где никогда раньше такой операции не делали. Возможно, если бы его лечил настоящий хирург, ступню удалось бы спасти.

16. Трагедии

В ночь, когда принято было сжигать хамец (любое мучное блюдо, в том числе хлеб, при приготовлении которого в тесте произошел процесс брожения; хамец собирали по всему дому перед Пасхой и сжигали), в полночь, в год 5674 (в пятницу 10 апреля 1914 года), нас разбудили истошные крики и плач, исходившие из дома нашего соседа, Хаима-Гирши Киршнера. Проснулись и остальные соседи. Когда же мы прибежали к этому дому, то узнали о страшной трагедии свалившейся на нашего соседа.

В честь Пасхи семья решила помыться в ванне с горячей водой, которая стояла на топившейся дровами плите. Сначала мылись дети, потом отец, затем мать семейства. Видимо, во время купания матери дымовая труба оказалась закрытой, и та отравилась угарным газом. Проснувшийся среди ночи отец к своему ужасу не нашёл рядом жены. Он побежал в ванную, где увидел её безжизненное тело. Он разбудил детей, и когда они увидели, что мать не отвечает на их призывы, то подняли они страшный крик и плач. Соседи быстро привезли доктора, но все его попытки спасти её не помогли. Эта трагедия, случившаяся в канун Пасхи, потрясла местечко. Молодая приятная женщина оставила после себя четверых осиротевших детей.

Через несколько лет в этой семье случилась ещё одна трагедия. Одна из дочерей, красивая девушка с особой красотой восточного типа, покончила с собой из-за безответной любви к студенту из богатой семьи. Ещё год спустя то же самое случилось с другой девушкой из этой семьи, снова из-за неразделённой любви.

17. Странные визитёры

А. Вероотступник Розен

Почти каждый год, когда суды в столице Империи городе Санкт-Петербурге закрывались на летние каникулы, в расположенное недалеко от Терновки поместье своей христианской жены приезжал известный адвокат по фамилии Розен. Рассказывали, что эта женщина судилась со своими родственниками из-за этого поместья, а Розен был её адвокатом на процессе. После того, как он выиграл суд, и она получила поместье в наследство, он женился на ней. Этот адвокат был выкрест (перешедший в христианство человек – Г.К.).

Поскольку во времена царизма в России еврею было очень трудно поступить в Университет, а ещё труднее было получить звание аккредитованного адвоката (очень немногие российские евреи получили это звание), Розен, после долгих колебаний, решился на судьбоносный шаг и вышел из иудейской веры.

Но, будучи выкрестом, он не повёл себя как многие еврейские вероотступники, которые выказывали неуважение к евреям и дистанцировались от них. Напротив, он любил свой народ и принимал участие в его делах и в жизни местечка. Во время его наездов в поместье евреи из местечка часто приходили к нему за пожертвованиями на нужды общества, и он принимал их с уважением и щедро одаривал. Он даже приезжал в местечко и даже внёс деньги на строительство новой общественной бани, которая в это время строилась. Так Розен «искупал» свой грех перед народом своим и своей верой.

В. Национальный проповедник

Среди различных религиозных проповедников, наезжавших в местечко читать свои проповеди, был и «сионистский проповедник», одетый в мирские одежды, который так представлял себя на афишах, развешанных в синагогах, и на своих визитках: «Знаменитый сионистский проповедник М. Клаузнер».

Он представлял себя родственником писателя Иосифа Клаузнера (1874–1958). Конечно, интеллектуалы села приняли его с почётом и устроили его в доме одного богатого сиониста. Он жил в доме этого человека около месяца, и по субботам выступал с вдохновенными проповедями в синагогах о «Сионе и освобождении», хотя слова эти были пустые и ничего не значили для слушателей. Два сиониста пошли по домам собирать деньги для «известного национального проповедника». В конце концов выяснилось, что звали его не Клаузнер, и он не был родственником писателя Клаузнера. Звали его Клейнер, и он позволил себе чуть-чуть подправить свою фамилию дабы прибавить себе вес в обществе.

С. Писательница

Однажды в местечке появилась женщина лет пятидесяти, и сообщила, что она писательница, а в доказательство представила «рассказ», который она сама написала, и который любой мог посмотреть. Она действительно написала рассказ на идише, грустную историю, совсем пресную, с которой ходила по домам, пытаясь продать этот «рассказ», тоненькую эту брошюру, причём не только в Терновке. Люди покупали эту брошюру, причём платили кто сколько хотел, только чтобы избавиться от назойливой дамы.

Но ей было мало продавать брошюру. Она настаивала, чтобы ей организовали «домашние чтения», где она бы читала вслух своё «великое произведение». Просить публичных выступлений она побоялась, поскольку на это надо было получить разрешение полиции, а получить его было не просто. Аудитория сидела как на иголках и готова была заплатить любые деньги, лишь бы только она прекратила чтение, чтобы разойтись. Название рассказа я не помню, но автора звали Лея Опчатка.

18. Турецкая пекарня

Во многих городах и сёлах России и Украины можно было встретить турецкие пекарни. Турецкие иммигранты были мастера своего дела, поэтому их выпечка быстро разбиралась покупателями. В дополнение к уже существовавшей еврейской пекарне, в Терновке появилась пекарня турецкая.

Владелец турецкой пекарни был лет пятидесяти, тёмной наружности, с рябым лицом, ходил всегда угрюмый, разгневаться его было очень легко, а говорил он на ломаном русском языке. К удивлению жителей скромного местечка, у этого далеко не красавца турка была молодая еврейская жена из соседнего местечка Теплик, где он поначалу держал пекарню. Не часто можно было встретить в местечке еврейскую женщину замужем за не-евреем, будь он даже исмаилит, «наш кузен». Некоторые люди, особенно надменные женщины, которые осуждали этот союз, сторонились её. Звали эту простую молодую женщину Рахиль, и была она из очень бедной семьи. Она работала у него в Теплике в пекарне продавцом, а потом стала его женой, хотя раввин их не венчал.

Рахиль была очень умной и хорошей продавщицей, и на самом деле она занималась бизнесом больше, чем он. Она и товар отпускала, и за мукой ходила. Безусловно, знание идиша помогало ей вести дела и добиваться хороших контрактов. Но жизнь с мрачным турком была далека от идилии. Не раз, напившись, он побивал её, но даже тогда она его не бросала. По праздникам, особенно на сейдерах в Пасху, она вела себя как кошерная еврейка: ходила в гости к своим бедным родственникам в местечке и с ними отмечала праздники (конечно, при этом она помогала им деньгами). Так эта молодая женщина вела двойную жизнь.

С началом Первой мировой войны Турция, будучи союзницей Германии, объявила войну России (Россия объявила войну Турции второго ноября 1914 года). После чего все турецкие граждане в России были арестованы, и среди них владелец пекарни. Его выслали в Турцию, и Рахиль, хотя и не была его законной женой, пошла за ним в глухую деревушку в Анатолии, где у того была семья – жена и дети!

19. Грабарни

Грабарни представлял собой небольшой изолированный еврейский хутор, который был далеко от местечка и стоял в небольшой долине рядом с домами украинцев. Земля, на которой он стоял, не принадлежала греческому помещику, на земле которого стояло наше местечко, и даже не принадлежала украинской деревне, но представляла собой небольшой автономный еврейский анклав. В той долине земля хорошо орошалась. Пригодную для питья воду можно было найти на глубине двух метров. Потому-то именно отсюда еврейские водовозы брали воду. Основное занятие евреев Грабарни была выделка шкур, из которых они производили простые летние сандалии (местные называли их «постали»), их носили украинцы летом. Дома Грабарни были не в долине, где земля была слишком влажной, а на холме неподалёку.

Из-за удалённости от местечка евреям этого поселения приходилось не сладко в своём отдельно стоящем «маленьком царстве». Транспорта регулярного не было, и, если кому надо было добраться в местечко, то обычно приходилось идти пешком. Дети, которые учились в хедере, каждый день ходили неблизкий путь туда и обратно, как и все жители Грабарни, у кого было дело в местечке – закупить продукты в лавке, зарезать у шойхета курицу, или помолиться в синагоге в субботу. Очень страдали они от отсутствия возможности видаться с друзьями и знакомыми, особенно осенью, когда из-за дождей дороги покрывались жидкой грязью.

Может быть из-за этой изоляции одна еврейская девушка из Грабарни сошлась с местным не-еврейским парнем из соседних украинских домов, и в конце концов убежала жить к своему возлюбленному. Когда родители её, простые люди, узнали об этом, они подняли большой шум, но всё было напрасно. Она осталась в доме этого парня. После 1920 года, когда многие еврейские семьи устремились к Румынской границе, её родители с семьёй тоже покинули Грабарни, убегая от стыда и боли, и иммигрировали в Палестину. Их сын ещё раньше переехал в Палестину с группой пионеров из Терновки. Прожив несколько лет в Палестине, эта семья переехала в Соединённые Штаты. Сын, который имел парикмахерскую в Тель-Авиве на улице Герцль (Herzl Street) потом приезжал в Израиль.

20. Вода раздора

Воду в еврейские дома водовозы привозили обычно в собственных бочках и на собственных лошадях. Но часто из-за того, что водовозы болели, или болели, и даже пали лошади, у жителей местечка появлялись проблемы с водой. Много времени проходило пока наконец местечка набирали достаточно пожертвований на новую клячу бедному водовозу. Приезжие не-евреи, особенно те, что прибывали на ярмарку, очень страдали от нехватки питьевой воды. Пить надо было и людям, и их лошадям, а пить было нечего. Потому земство вырыло пять новых колодцев в разных местах местечка. Вода оказалась не лучшего качества. Этими колодцами пользовались только при крайней нужде. Но всё равно с этими колодцами жить стало немного легче.

Случилось однажды, что два зажиточных еврея, один - кузнец, у которого ещё была пекарня, где пекли мацу, второй - торговец курами и яйцами, решили построить вскладчину колодец на своей улице недалеко от своих домов. Возникла проблема – где копать? Жили они не рядом, а по разные стороны улицы. Рыть колодец посреди улицы не полагалось, потому как это мешало бы проезду. Построить колодец можно было только сбоку от дороги, у одного из домов.

Конечно, оба хотели рыть колодец по свою сторону улицы (ширина улицы была метра три). Друзья так и не смогли договориться, и каждый начал копать штольню глубиной более 20 метров у своего дома, вложив большие деньги. К разочарованию обоих, вода оказалась горькая, пить её было нельзя, её можно было использовать только для мытья полов. Так и стояли эти два колодца напротив друг друга как памятник глупому упрямству двух евреев.

21. Замёрзшие до смерти

Зимой 1912 года, в четверг, в день ярмарки в деревне Жолонок, что была на расстоянии примерно 24 км от Терновки, случился снежный буран, покрывший землю глубоким снежным покровом, так что дороги замело. Десятки евреев чудом смогли вернуться с ярмарки к вечеру. Но пять человек, в том числе одна женщина, не вернулись, пропали. Утром в пятницу по просьбе родственников пропавших два отважных ямщика попытались выехать на поиски пропавших. Но вскоре они были вынуждены вернуться тем же путём как выехали, так как лошади вязли в снегу по самое брюхо, и метель слепила глаза, так что ничего не было видно.

Снег шёл, не прекращаясь, полных три дня, с четверга по воскресенье. Впервые в истории Терновки никто из прихожан, даже раввин, не смогли пробиться в синагогу, чтобы помолиться богу в субботу. Все молельные дома оказались запечатанными, поскольку сугробы высотой с дом завалили входные двери. Нельзя было ни войти, ни выйти. В воскресенье буран кончился, и жители впервые смогли покинуть свои дома и разными подручными средствами очистить проходы к улицам и к лавкам. Тогда-то и стало известно, что трёх мужчин и женщину нашли замёрзшими в снегу.

Нашедшие их замёрзшими в санях крестьяне пытались оживить несчастных с помощью народных средств, например опускали их в ледяную воду, и так далее, но это не помогло. Женщина вроде начала подавать признаки жизни, но всё равно скончалась. Горе в местечке было огромное. Все попытки отыскать пятого человека не привели к успеху. Прошло много недель, а тело так и не нашли, и семья пропавшего (а он оставил после себя молодую жену и малых детей), привезла еврейского медиума из одного из местечек, и тот пообещал, что обязательно найдёт тело пропавшего.

Медиум бегал по окрестным полям (это было в марте 1912 года, после Пурима) с толпой местных жителей по пятам, но поиски не удались и тело не было найдено.

В месяц Ниссан (в апреле 1912 года), когда растаяли последние сугробы, труп был найден на русском кладбище в нескольких километрах от местечка. Этого молодого человека наняли несколько мясников, чтобы он перегнал домой купленный на ярмарке скот.

Он шёл за скотом пешком, и на подходе к местечку скорее всего сбился с пути и попал на кладбище, которое было занесено глубоким снегом. Уставший и потерявший всякую надежду, он прислонился к дереву и заснул, и, видимо, замёрз. Нескончаемый снегопад занёс и его, и дерево, так что увидеть его было невозможно. Только в апреле, после того, как весь снег растаял, сторож заметил тело и сообщил властям. Расследование показало, что это был тот самый пятый пропавший человек, и его похоронили по еврейскому обычаю, и людей на похороны пришло очень много.

Трагедия, случившаяся с замёрзшими людьми, потрясла многих в местечке, и долго ещё люди не могли успокоиться.

22. Как они не замёрзли?

В тот самый четверг один лавочник, житель Терновки по имени Шлёмо-Лейзер, возвращался из Умани, где он закупил товар для своей лавки. Из-за глубокого снега сани застряли, и никакая сила не могла сдвинуть их с места. И лавочник, и ямщик-украинец не знали что делать, но, к своей радости, недалеко в поле они увидели заброшенный сарай, где оба нашли защиту от непогоды. Сарайчик защитил их от снега, что всё падал и падал, но он совсем не мог защитить от колючего мороза, пробиравшего до костей.

Чтобы не замёрзнуть, они грелись... борьбой. Все три дня, что они провели в этом сарае, большую часть времени они занимались борьбой чтобы согреться. Они почти не спали, поскольку во сне вероятность замёрзнуть в семь раз больше. Пока один кемарил стоя у стенки, другой не спал, чтобы вовремя разбудить попутчика, пока тот не заснул навеки. Потом второй пытался немного подремать, а первый стоял начеку, и так они по очереди спали.

Вот как этот сарайчик спас от смерти еврея и украинца. В местечке прошёл слух, что Шлёма-Лейзер и украинец замёрзли до смерти, но слух этот не подтвердился.

23. Бойкот мясника

В один из дней Пасхи местный мясник пошёл к приставу чтобы купить у него телёнка на убой. Пристав предложил обмыть удачную сделку (конечно, любая сделка пристава с евреем была удачной для пристава), и поднёс мяснику кружку ледяного пива, и они выпили за здоровье друг друга. Случилось так, что, когда мясник допивал последнюю каплю пива, к приставу вошёл Симха Копман, один из братьев Копманов, который часто бывал у пристава, и вот он-то и застал мясника за этим грешным делом.

По всему местечку быстро разнёсся слух, что Меир-мясник пил пиво с приставом в Пасху, конечно же это было стопроцентно трэфное пиво (в Пасху запрещено употреблять в пищу продукты брожения).

Покупатели перестали покупать у него мясо. Когда мясник увидел, во что обходится ему кружка пива, он побежал к раввину местечка, реббе Давиду Кругляку, и плакал, и умолял спасти его от этого несчастья, от бойкота, который устроили покупатели его мясной лавке. Он извинялся и осуждал свои действия, говорил что не знал, что пиво было трэфное. Раввин придумал как выйти из этого непростого положения и снова сделать лавку кошерной: посоветовал поехать к своему собственному Хасидскому реббе, который конечно же найдёт подходящий выход из положения и выдаст ему Сертификат о кошерности для мясной лавки.

Не долго думая, мясник нанял повозку и поспешил к Хасидскому реббе в город Саврань (к реббе Давиду Гуттерману, умершему в 1912 году), а путь был в неблизкий, 65 км. Конечно, он приехал не с пустыми руками. Расспросив о всех деталях происшедшего, Хасидский реббе дал ему «Большую грамоту» в нескольких экземплярах, которые мясник развесил во всех синагогах и общественных местах местечка.

Написано там было примерно следующее: «Поскольку этот сомнительный Меир совершил ошибку и принял наказание постом, молитвами и благотворительностью, а поскольку раскаявшиеся святее самых святых, и поскольку мы приходим на помощь тем, кто приходит к нам очиститься, и т.д., и т.д. мы сим заверяем, что он опять кошерный, и лавка его кошерная, и сим разрешается даже святую Мицву покупать в это кошерной лавке, и даже особо кошерное мясо, и пусть люди спокойно едят его и наедаются.»

Даже служки в синагогах, которые получали своё жалование с налога на кошерное, огласили на идише во всех синагогах слова Хасидского реббе из «Большой грамоты», так чтобы даже женщины обязательно услышали. Постепенно покупатели стали к нему возвращаться. С тех пор мясник держался от пива подальше!

24. Табачник

Он не был еретиком, или неверующим, да простит меня Бог, и он не резал «ростки веры». Это был религиозный еврей, как и большинство евреев местечка. И резал он только листья табака. Дьявольский царский режим время от времени принимал новые законы чтобы ещё больше ограничить евреям возможность добывать себе пропитание, или чтобы надавить на них. Не один еврей вынужден был нарушить несправедливые законы несправедливого режима и заняться бизнесом, который был по мнению царского закона «некошерным».

Так вот один еврейский инвалид тайком крошил у себя дома табак и тем зарабатывал себе на жизнь. Продавал он этот табак только тем, кому мог полностью доверять, и довольно дёшево, ведь ему не надо было платить непомерные акцизные налоги на табак. Как я уже сказал, табачник этот был инвалид, одна нога у него была деревянная, её сделал ему столяр. Говорят, что он потерял ногу во время неожиданного рейда полиции, потому что сильно испугался и упал и сильно повредил ногу. Но в этой истории скорее всего мало правды.

25. Рекруты

Терновка была как бы правительственным административным районным центром. Например пристав, который отвечал за три местечка: Теплик (около 22 км к СЗ от Терновки), Хашувате (около 25 км к Ю от Терновки) и Терновку, расположил свой штаб в Терновке, и отсюда осуществлял своё «высочайшее правление». Поговаривали, что доход пристава, конечно, не от правительственного жалования, которое было весьма скромным, составлял 15 тысяч рублей в год, и потому все полицейские чины в округе стремились заполучить этот пост в Терновке.

Каждый год осенью в Терновку наезжала специальная военная комиссия, куда входили доктора, офицеры и чиновники, чтобы осмотреть рекрутов, и евреев, и украинцев. Тысячи молодых парней и немалое число их родителей собирались с перечисленных местечек и из многих деревень округи. Молодых людей сопровождали старосты деревень, которые отвечали за поведение своих подопечных. Конечно, за ними присматривала и полиция, которую на это время усиливали. Деревенские останавливались в еврейских гостиницах, и доходы жителей местечка приумножались.

Среди еврейских рекрутов была традиция: за месяц до призыва собраться в ночь вместе чтобы немного развлечься, даже пошалить на улицах местечка. Например, они могли подпереть чем-нибудь дверь дома снаружи, или поменять вывески на магазинах, и т.д. Между прочим, некоторые юноши специально истязали себя несколько ночей бессонницей, и голодали в придачу, чтобы их тощие тела казались ещё тоньше, в надежде, что их признают негодными к строевой службе.

Комиссия по традиции сначала разбиралась с еврейскими призывниками, которых было немного, а потом уже с украинскими, коих было гораздо больше. Конечно, в комиссии были и такие, кто брал взятки. Помню однажды среди еврейских призывников оказалось много человек с разными изъянами, и не все они были случайными. Тогда, чтобы выполнить «еврейскую квоту», комиссия призвала парней, которые были единственными сыновьями в своих семьях, а таких обычно в армию не брали. Узнавшие об этом матери с плачем и криками бросились к зданию, где заседала комиссия, чтобы опротестовать вопиющую несправедливость, и уже почти ворвались внутрь, но полиция их разогнала.

В тот же год местечко было сильно взволновано тем, что Пинхаса (Пини), сына раввина, образованного и очень уважаемого студента иешивы, тоже забрали в армию. Не помогло даже то, что он был близорукий и носил очки. Только через несколько месяцев, во время которых в губернский центр Подолии, город Каменец-Подольский, были отправлены два переговорщика, и, между прочим, не с пустыми руками, только тогда, после многих попыток и немалых взяток, смогли они вернуть его. К несчастью, Пинхас умер в расцвете лет, через три года после женитьбы, оставив после себя жену, младенца, и родителей. Да будет благословенна его память.

26. Революция 1905 года

Страсти революции 1905 года докатились и до Терновки. Почтмейстер местечка, который был членом Чёрной Сотни (антисемитская организация), организовал демонстрацию местных крестьян в поддержку Батюшки Царя. После праздничной молитвы в церкви большая толпа прошла по местечку с криками «Да здравствует царь!», «Да здравствует Святая Русь!», «Да здравствует Священная Русская Православная вера!». Одновременно они подбрасывали вверх шапки, коих было так много, что временами казалось, что над ними висело настоящее чёрное облако из шапок. Крики «ура» и «да здравствует» прокатывались как эхо.

Понятно, что эта воодушевлённая демонстрация и патриотические крики в защиту трона, которому угрожали злодеи и жида, нагнала много страха на евреев местечка, и они быстро попрятались по домам и заперлись изнутри. Особенно боялись они прихода ярмарки, которая вот-вот должна была состояться в местечке. Но, слава богу, всё это вскоре стихло и кончилось миром. Безусловно, надо отдать должное полиции, которая поддерживала порядок и не допустила беспорядков.

Под давлением революционного пыла царь был вынужден подписать Российскую Конституцию. А когда было объявлено о выборах в Думу, жители Терновки приняли в них участие. Право голоса получили только владельцы собственности. Свою кандидатуру выдвинул Генрих Слиозберг (1863-1937) из Санкт-Петербурга. Он был известный активист, влиятельный и известный еврейский юрист и один из лидеров Всероссийской партии Кадетов (Конституционно демократической партии), которая выступала за создание конституционной монархии как в Англии. Он не был сионистом.

Он «спустился с вершины» столичного города и разъезжал по городам и сёлам Украины уговаривая евреев голосовать за него. В Терновке он выступал в Большой синагоге. Сам факт, что известный юрист из большого столичного города приехал в отдалённое местечко, каким была Терновка, стал очень важным событием, и большая толпа пришла выслушать гостя.

Он выступал на прекрасном русском языке, но очень сомнительно, чтобы большинство присутствующих поняли, что он говорит. В этой цветистой речи он обещал евреям местечка, что будет бороться в Думе за равноправие для евреев, за улучшение их экономических и религиозных условий, и т.д. После этого выступления многие голосовали за него, ведь он обещал многие блага евреям «матушки России».

27. Терновка и Династия Романовых

В 1913 году в России пышно праздновали 300-летие Дома Романовых. Из всех уголков России местными властями были направлены многочисленные делегации дабы показать свою покорность «трону» и выразить огромную радость по поводу долголетия «замечательной» династии Романовых. Из Терновской волости должны были направить представителя в составе делегации от губернии. В волостном центре стояла большая статуя царя Александра II - «освободителя крестьян».

Делегатом выбрали украинца Микиту – рослого, внушительной наружности, богатого и умного молодого человека. Он воспринял это почётное задание с трепетом и радостью. Не такое это простое дело, во плоти предстать перед лицом самого царя, «помазанника Божьего».

В честь этого события он оделся в прекрасные сельские одежды, ведь городское платье ответственные за сборы власти одевать ему запретили. Его и других делегатов особо проинструктировали как вести себя перед царём, как кланяться, и что отвечать, если царь спросит о чём-нибудь. Микита был среди тех, кому посчастливилось предстать перед государем.

Вернувшись в Терновку, он рассказывал о «чудесах и знамениях» явленных ему во время встречи с царём. Рассказал он, что царь подошёл к нему и взял за пуговицу, и спросил его, откуда он и чем занимается. Микита ответил, что он из Подольской губернии, и т.д.

Очень сомнительно, что царь знал, что такое Подольская губерния, ведь в России было 170 губерний, мог ли он помнить все эти губернии? Все украинцы в Терновской волости завидовали Миките, потому что ему довелось увидеть светлый лик государя. Понятно, что Микита совсем не был рад узнать о революции и смерти царя и всей его семьи!

28. Рождество

Рождество был праздником и для евреев, потому что вся деловая жизнь на время замирала, и евреи отдыхали. Некоторые, воспользовавшись случаем, спешили навестить своих родственников и детей, проживавших в отдалении. Между прочим, украинцы, обычно бедные, на праздники приходили к еврейским своим знакомым, чтобы разбросать зёрна пшеницы, символ благословения приходящего года и процветания. Конечно, делали они это не из одних альтруистских побуждений. Евреи дарили им на праздник монеты.

А ещё был такой обычай: накануне Рождества собирались молодые украинцы, одетые как различные персонажи, а самой популярной была корова Маланка. Эти «артисты» разыгрывали представления в еврейских домах. Конечно, уходили они не с пустыми руками. На Пасху украинские женщины одаривали детей своих еврейских подруг «писанками» – крашеными варёными яйцами, обычно красными. В свою очередь в еврейскую Пасху евреи угощали своих украинских знакомых и друзей мацой.

29. Арбитр

В Терновке, как и в других еврейских местечках, было несколько человек, которые зарабатывали себе на жизнь «продавая воздух». Один такой человек по имени Натан выделялся среди остальных. Это был уважаемый богатый человек, рассудительный, с острым умом, который зарабатывал на жизнь «своей тростью». Разодетый в праздничные одежды прохаживался он бывало по местечку с тростью выискивая на ком бы заработать. Постоянного занятия у него не было.

Сегодня он торговал зерном, завтра он был брокером, на другой день он одалживал деньги соседям - украинским скотоводам, а ещё он был арбитром, конечно за плату, в различных торговых и денежных спорах среди евреев. Так удавалось ему содержать свою большую семью, восемь сыновей и дочерей, да защитит их Бог от сглаза.

Старший сын его уехал в Канаду чтобы избежать призыва в царскую армию. Старшая дочь его строила из себя интеллектуалку, потому что читала «Анну Каренину» Толстого и «Санин» Арцибашева...

Однажды вечером к ним в дом в сопровождении свахи пришёл обычный молодой человек, небогатый торговец зерном, чтобы посмотреть на предполагаемую невесту, «интеллектуалку», о которой он слышал столько хорошего. Когда «жених» сел за стол, «интеллектуалка» на ломаном местечковом русском языке обратилась к нему с такими «культурным» вопросом: читал ли он Толстого? Этот простой молодой человек достаточно хорошо знал украинский язык чтобы вести деловые переговоры с украинцами, но было весьма сомнительно, что он мог читать по-русски, и ещё более сомнительно было, что он слышал слово «Толстой».

Услышав вопрос «интеллектуалки», он встал из-за стола и на родном идише заявил: «Уважаемая госпожа, вместо того, чтобы спрашивать, читал ли я Толстого, вы бы лучше спросили, есть ли у меня средства содержать жену и детей». С этим он покинул «салон», с досады хлопнув дверью, и ушёл, оставив угощение на столе и «интеллектуалку» с родителями в бледном виде.

Как я уже упоминал, в Канаде у Натана был сын, и был ещё брат. Оба они уговаривали его покинуть Россию с её погромами и с «торговлей воздухом» и эмигрировать в Канаду, страну свободы, равенства, где всегда были «хорошие времена». Среди прочих причин, по которым ему следовало покинуть Россию, сын и брат выделяли следующие: а) в Канаде ему не надо будет думать о приданом своим старшим дочерям, поскольку в Канаде, стране иммигрантов, избыток мужчин и недостаток женщин, и мужчины расхватывают его дочерей «как горячие оладушки» и без приданого, б) Скоро второму его сыну надо будет идти в армию, так что лучше бы ему переехать заранее, пока ему не будут чинить препятствия с отъездом.

Они искушали «арбитра», пока не победили. И в один прекрасный день он свернул свой «воздушный бизнес», продал дом и мебель, и эмигрировал в Канаду со своей большой семьёй. Когда же они приехали в «землю свободы и избытка мужчин», то, после всех празднований, устроенных родственниками, пришлось ему поразмыслить о делах практических, а именно - на что жить. Ему уже было понятно, что ввиду своего немалого возраста как глава семьи он не потянет. Ему придётся зависеть от своих сыновей и дочерей, которые пойдут работать на фабрики, или начнут продавать товар в разнос, или продавать газеты, потому что в Канаде никому не нужны «арбитры» и прочие «продавцы воздуха».

Он осунулся и сник. Как же это случилось, что он, который был большой шишкой в Терновке, «арбитр», в котором души не чаяли, пал так низко, что стал обузой и зависит от своих сыновей и дочерей. Этому не бывать. И решил он вернуться в российский «рай», где он снова станет «большой шишкой», «арбитром», брокером, кредитором, и сможет прокормиться «своей тростью». Так что он вернулся! И только его второй сын, которому подошло время идти в армию, остался в Канаде.

Когда вся семья вернулась в местечко, он снова купил дом и мебель, и постоянное место в синагоге Бейт Хамидраш, и опять расхаживал по местечку с тростью, зарабатывая «продажей воздуха». «Нет на свете страны прекрасней, чем страна «фоняцкого вора (‘фоня ганеф’))» (так евреи называли русского царя, потому что по приказу царя еврейских мальчиков воровали из семей в возрасте 8 лет и отдавали в кантонисты в армию на 25 лет)», - заявлял он, крутя в руках свою трость!

30. Первый граммофон

Евреи Терновки, как и все евреи восточной Европы, любили слушать псалмы в исполнении хазанов (человек который молится в синагоге от имени собравшихся – Г.К.). Когда в местечко вдруг приезжал хазан и молился в Большой синагоге, почти все евреи местечка набивались внутрь. А потом они долго обсуждали пение заезжего гостя и его голос. Часто приезжали вундеркинды, они молились и пели перед Священным ковчегом синагоги. Среди таких вундеркиндов был мальчик-кантор Юдл-Егуда, ставший в последствии кантором синагоги в Центре Работников Торговли в Тель-Авиве. Ему было одиннадцать лет, и все евреи обожали слушать как он поёт.

Так вот, евреям Терновки довелось послушать не только простых канторов, но даже таких известных, как Завел Квартин (1874-1952), Гершон Сирота (1874-1943), и других. Как же случилось, что эти известные канторы приехали выступать в такое отдалённое местечко как Терновка?

А вот как. Был в Терновке бездетный еврей, успешный кредитор, всегда одетый в самые лучшие свои праздничные одежды, тщательно вычищенные и отглаженные. Было ему тоскливо от безделья, и, чтобы развеяться, первый среди евреев Терновки, купил он в Умани граммофон и пластинки с записями канторских песнопений. Далеко не все конечно могли позволить себе такую дорогую покупку, ведь граммофоны тогда только появились в продаже и стоили очень дорого.

Только некоторые счастливики, которым повезло быть у него в гостях, могли воочию увидеть это чудо – граммофон, и услышать записи пения хазанов. Когда гости слушали Хашкивену (молитва из еврейского молитвенника) в исполнении Квартина, то просто млели от сладкого голоса певца, и душа из возносилась в самые верхние сферы рая, музыкального рая.

Правда, простые жители местечка не удостоивались чести увидеть граммофон, но они могли слушать музыку, которую он играл. В тихие летние вечера Мойше Альтман, владелец граммофона, бывало открывал настежь окна дабы насладиться свежим воздухом, и заводил граммофон. Немало народа собиралось поблизости от его дома, чтобы слушать в немом восторге божественную музыку, которая наполняла всё их существо. Вот как евреи Терновки удостоились возможности услышать великих канторов Квартина, Сироту и других.

31. История о молочном угощении

У Якова Копмана, старшего из братьев Копманов, был обычай приглашать несколько самых известных прихожан Клойза (малой синагоги), где он молился, на угощение к себе домой (остальные братья молились в Большой синагоге) в день памяти своего отца блаженной памяти Авраама Копмана. Среди гостей был Авраам Тепликер, яркий, уважаемый и учёный человек (но к тому же немножко любитель воспользоваться халявой).

Однажды, придя в гости, и имея ввиду хорошенько поесть за счёт хозяев, он увидел среди гостей Шмуэля Бараца, умного респектабельного еврея. Поскольку еду ещё не подали на стол, Барац заглянул на кухню и увидел, что готовится молочный стол, и тогда в голову ему пришла затея подшутить над Тепликером. «Вижу я, что вы готовите молочные блюда сегодня, но что-то мне кажется я не расположен сегодня к молочному. Если нетрудно, дайте мне пожалуйста что-нибудь мясное»,- обратился он к хозяйке.

Снисходя к его просьбе, госпожа Копман предложила ему тарелку куриных желудков и печёнки, которая стояла в шкафу на кухне. Шмуэль Барац взял тарелку, поблагодарил её, и вернулся в столовую. Подойдя к Аврааму Тепликеру, он сказал: «Госпожа Копман посылает вам это блюдо пока основная еда ещё не готова. Вы ведь конечно очень голодны». Авраам Тепликер очень обрадовался вкусной еде и вниманию, оказанному ему госпожой Копман, и проглотил еду как будто её могли у него отобрать.

Через несколько минут госпожа Копман с прислугой принесли гостям на поносах богатое молочное угощение, где было всё самое изысканное: блинчики с творогом, истекающие сметаной, креплах с картофельным пюре (клёцки треугольной формы, символизирующие трёх патриархов еврейского народа: Авраама, Ицхака и Якова – Г.К.), плавающие в масле, зажаренную в масле рыбу, ароматный и вкусный борщ со сметаной и маслом, прекрасный сладкий кугель, испечённый с маслом (запеканка из мацы – Г.К.), омлет, заварной крем, оладьи, а на десерт - цикорий на молоке и прекрасное сливочное печенье.

Когда Авраам Тепликер увидел это царское угощение, эту несравненную молочную еду, глаза у него потемнели. Он не мог вкусить всех этих блюд, так как только что проглотил мясное (по еврейскому обычаю нельзя мешать мясное с молочным). Авраам Тепликер сообразил, что умный Шмуэль Барац только что нехорошо подшутил над ним, чтобы он не смог воспользоваться этим прекрасным угощением.

В этот момент Авраам Тепликер готов был разорвать Шмуэля Бараца за то, что тот сотворил с ним, лишив его царской еды. Успокоило его только обещание госпожи Копман накормить его завтра в то же время тем же угощением. Вот как подшутил Шмуэль Барац над Авраамом Тепликером на праздновании годовщины смерти Авраама Копмана!

Между прочим, рассказывали, что однажды видели Авраама Тепликера поедающего горячий хлеб, только что вынутый из печи, и запивающего его стаканом холодной воды. Люди обратились к нему с предостережением: «Авраам, бог с тобой. Ты что, не знаешь, что рискуешь жизнью? Не дай бог, умрёшь ведь от такой комбинации». На что тот ответил: «Это ещё вопрос, умру ли я, если поем тёплого хлеба, запивая его холодной водой, но без хлеба и воды я точно умру ...!»

32. Алия (эмиграция в Палестину)

А. Вторая Алия (1904-1914)

В Палестину евреи уезжали не только учиться. Они трудились там на земле чтобы сохранить её. На самом деле эмигрантов в Палестину из Терновки было совсем немного: во время второй алии уехал только один человек из местечка, и два из города (где они учились – Г.К.). Среди них был светлой памяти Израиль Мейзель, правнук одного их хасидских реббе. Тайком от своей семьи убежал он из сквирской иешивы, куда был послан учиться, и эмигрировал в Палестину.

В Палестине он прошёл через все метаморфозы, через которые прошли люди второй алии. Он был сельхозработником в разных поселениях. Был членом киббуца в Тире около Хайфы, который потом распался. В конце концов он поселился в Тель Адашим в Изреельской долине. После образования государства Израиль (1948) он переехал в пустыню Негев на юге Израиля, чтобы обучать молодых людей земледелию.

Ури Гарфункель,мышлёный студент иешивы, эмигрировал в Палестину в то же время, куда за ним последовали Рафаэл Тафт, его тесть, с сыновьями. Два внука Ури, сыновья его дочери Йоханаан и Амрам, оба из киббуца Кфар Менахем, погибли во время Шестидневной войны (1967).

Один был холостяк, а второй женатый, он оставил после себя родителей, молодую вдову и младенца. Да отомстит Господь за кровь его.

Авраам Эйзенберг (Барзилай) тоже был среди эмигрантов в Палестину в это время. В Палестину он попал из Аргентины, побывав ещё в нескольких странах до этого. Он поселился в Рош Пине, где занялся сельским хозяйством. Потом он перевёз из Аргентины всю свою семью.

Б. Третья алия (1919-1923)

В 1920 году, после окончания Первой мировой войны русской революции, около десятка молодых пионеров из Терновки иммигрировали в Палестину, и среди них был младший сын раввина из Терновки. После них ещё несколько семей прошло опасными дорогами через несколько границ в Палестину. Это были Балагуры, Блатные, Бердичевские, Берман-Шита, Гутмахеры, Городецкие, Друкарские, Вортманы (включая автора), Трояновские, М. Тафт, Яновские, Молдавские, Марховские, Нейманы, Полевые, Пореры, Парадные, Кушнеры, Кравцы, Кротокопы, и наконец реббе Аарон Кругляк, о котором мы упомянули в главе Образование.

Десятки тысяч беженцев устремились с Украины в Бессарабию, которая тогда принадлежала Румынии. Около 400 беженцев организовали Бершадский кооператив. Основатели этого кооператива были из города Бершадь, большого местечка в 50 км от Терновки. К ним присоединились многие семьи из других местечек. Они хотели основать в Палестине промышленно-сельскохозяйственный кооператив, но, к сожалению, план этот так и не осуществился. Когда они прибыли в Палестину, каждый подался куда хотел, выживая как придётся.

Среди иммигрантов и пионеров из Терновки были праправнуки раввина Якова Вортмана, который сам переехал жить в Святую Землю в 1865 году. Перечислю нескольких из них: доктор Моше Вортман, юрист, автор книги «Теория создания мира (космогония) и еврейская традиция», опубликованная издательским домом Девир в 1932 году; деятель образования и детский писатель А. Гад; светлой памяти Аарон Нир (Полевой) (1900-1955), выпускник первого выпуска Ивритского Университета в Иерусалиме, который много лет был литературным секретарём поэта Хаима Бялика (1873-1934), автор книги «*Bein Hase'irim*», философского трактата выпущенного издательским домом Девир в 1954 году (важная и исчерпывающая монография о романтическом исследователе Шнеере (Сениоре) Заксе (1816-1892)).

Аарон Нир писал для многих израильских литературных периодических изданий. Умер он в Тель-Авиве в середине жизни в 1955 году; Исраэль Амитай, долгих ему лет жизни, будучи журналистом и одновременно служа медиком в Армии Оборона Израиля во время войны за независимость, вместе с соавтором опубликовал книгу по практическим вопросам медицины в армии. Между прочим, вышедший на пенсию Тель-Авивский полицейский Аарон Вортман, тоже является одним из праправнуков раввина Якова Вортмана. Он написал книгу о различных типах личности, с которыми он познакомился во время работы следователем в полиции.

33. Чудесная встреча

Перед Первой мировой войной пожилой еврей из Терновки по имени Иззи-Шайя Хасид иммигрировал в Святую Землю. Уехал он в Святую Землю чтобы посвятить остаток своих дней изучению Торы и молитвам, и чтобы быть похороненным там. Через несколько лет после его отъезда в Святую Землю один полуграмотный украинец (он умел читать газету) по имени Юрадий пошёл в Святую Землю как паломник. Человек он был приличный и честный. Организацию паломничества в Святую Землю и расходы на это путешествие брала на себя церковь.

И вот шёл себе Юрадий с толпой паломников по Иерусалиму, и вдруг слышит, кто-то зовёт его по имени: «Юрадий, Юрадий!» Он совсем не ожидал услышать своё имя, испугался и оцепенел. Должно быть, это был глас Божий, потому как никто в Святой Земле и в Иерусалиме не знал как его зовут, кроме тех паломников, с кем он в данный момент шёл. И, всё ещё исполненный изумления, увидел он бегущего к нему с великой радостью на лице еврейского мужчину, чья капота (длинное пальто) развевалась по ветру, с в талесом (шаль в которую заворачиваются евреи для отправления молитв) и филактерией (чёрная кожаная коробочка с молитвами, одеваемая на голову молящегося) в руках. Это был Иззи-Шайя Хасид, возвращавшийся из синагоги с утренней молитвы.

Юрадий и Иззи хорошо знали друг друга ещё в Терновке. К немалому изумлению паломников и прохожих стали они обниматься и целоваться, радуясь столь неожиданной встрече. После этого Хасид пригласил Юрадия к себе домой, угощал его царскими яствами и узнал от него подробные свежие новости из Терновки. Так встретились в Иерусалиме, городе святости и мира, Иаков и Исава (см. библейскую притчу про Иакова и Исава – Г.К.), придя именно сюда каждый по своим различным религиозным надобностям.

34. Поделённый Этрог

Во время Первой мировой войны, когда Палестина оказалась отрезанной от России, очень трудно было достать Этрог (церемониальный цитрусовый плод) к празднику Суккот. В Терновке прознали, что еврейская община Теплика, близлежащего еврейского поселения, что было расположено на расстоянии 24 км от Терновки, за немислимые деньги купила Этрог. После долгих уговоров еврейская община Теплика согласилась включить еврейскую общину Терновки в мицву (заповедь Торы) в отношении Этрога, и два сообщества смогли воспользоваться благословенным Этрогом.

Как они это сделали? Обычно Этрог хранился в Теплике. С утра все евреи, которые желали насладиться видом благословенного Этрога, собирались в синагоге, и наслаждались по очереди. Конечно, церемония эта длилась не один час. По окончании церемонии Этрог запирался в шкатулку, один ключ от которой был в Теплике, а второй в Терновке. Шкатулку передавали украинскому верховому, который отвозил её в Большую синагогу в Терновку.

У Большой синагоги собиралась уже толпа, которая терпеливо ждала прибытия Этрога из Теплика чтобы насладиться благодатью. Хотя время было позднее, два или три часа пополудни, многие так ничего и не ели в ожидании благословенного фрукта. Длилось это долго, а украинский верховой всё ждал. По окончании церемонии Этрог снова запирался в шкатулку и отдавался украинцу, который в тот же день возвращал её в Теплик. Так продолжалось все семь дней Суккота. Люлав (закрытая ветвь финиковой пальмы) найти было проще. Люлав в России можно было купить свободно, а у многих он сохранился ещё с прошлых лет.

35. Йосип (Иосиф) из Берёзовки

Были в окрестностях Терновки деревни, где проживало несколько еврейских семей. Были в окрестностях Терновки деревни, где проживало очень мало еврейских семей. Были в окрестностях Терновки деревни, где проживало только две, или даже только одна еврейская семья. В деревне Берёзовка около Терновки, на расстоянии 3-4 км, проживал один преуспевающий еврейский мужчина, добросердечный и гостеприимный человек, которого и украинцы, и евреи величали Йосип. Однажды его жена, которая также была добросердечная и гостеприимная женщина, но не очень большого ума, ехала в город на поезде. В вагоне были ещё несколько евреев, и, разговорившись с одним из них, поведала она невзначай всю историю своей семьи, рассказала о том как они богаты, и о прочих важных вещах.

После того как они расстались и пошли каждый своей дорогой, этот еврейский мужчина написал юмористический рассказ, озаглавленный «Йосип из Берёзовки». Это был ни кто иной как сам Шолом Алейхэм (Шолом Рабинович, 1859-1916). Как только Йосип узнал, что Шолом Алейхэм написал о нём и его семье юмористический рассказ, он поспешил к издателю и к автору и обоим заплатил отступные, только чтобы книжку сняли с продажи. Так что этот рассказ уже не купишь, и найти его можно разве что случайно в какой-нибудь библиотеке.

36. История о шойхете (кошерном резнике)

Один – два раза в неделю в Терновку приезжал странствующий шойхет. По просьбе жителей местечка он резал им кур, или тощую корову по случаю. Шойхет этот по имени Ешайягу был великий и благочестивый учёный, кроме того он знал русский язык, что было нехарактерно для религиозных людей в маленьких местечках. Братья Копманы, у которых были большие предприятия, взяли его впоследствии на работу бухгалтером. Странствовал он потому, что постоянного права на свои услуги в местечке у него не было. Он ездил из одной деревни в другую в своей повозке, а когда дороги раскисали, то верхом на лошади со своим «инструментом» в руках. Однажды, по дороге в одну из деревень, напал на него разбойник и потребовал денег. Ешайягу не испугался. Он вытащил свой большой халаф (нож мясника), которым закалывал коров, и, когда разбойник увидел это, то пустился наутёк.

37. “Сирка” и “Гематрия”

В отдалённой деревне жизнь у евреев была непростая, и вот вам пример. В деревне Ташлык, расположенной между Терновкой и Тепликом (около 15 км на СЗ от Терновки) стояла большая современная мельница, хозяином которой был деревенский помещик. Два торговца зерном из этих двух местечек (Терновки и Теплика) арендовали эту мельницу. Управляющий мельницей, который был одним из арендаторов, Гершом-Меир, был образованным человеком, и имел ещё и религиозное образование. Это он послал сначала своих сыновей Иеошуа и Шрагу учиться в Лиду (бывш. Литва, сейчас Беларусь) в иешиву учиться, но потом отправил их на учение в Палестину в Иерусалимскую семинарию. После Первой мировой войны он с женой и дочерью и семьёй дочери иммигрировал в Палестину.

Второй еврей, который жил в Ташлыке, был заведующий складом при мельнице, а больше евреев в деревне и не было. И вот в одну субботу семья Гершом-Меира села во второй раз за стол, и принесли курицу, так вот в той курице он увидел «сирку» - кусочек жира, возможно образовавшийся от колотой раны. Испугавшись, что курица не кошерная, он упаковал её и сразу послал украинца верхом на лошади к раввину в Терновку, что была на удалении примерно 16 км.

Украинец прискакал к нашему дому с курицей, потому что мы были соседями раввина, и дружили с Гершом-Меиром. Один из детей пошёл в дом к раввину с курицей в руках, и после осмотра тот признал курицу кошерной. И тут встал вопрос: как передать решение раввина в Ташлык? Написать записку? Была суббота, а в субботу нельзя писать. Передать на словах через украинца? Управляющий мельницей мог подумать, что украинец специально говорит, что курица кошерная, хотя она на самом деле трэфная, чтобы сделать ему приятное (понятия кошерного и трэфного украинцы знали от евреев, с которыми они жили по соседству).

И вот моему отцу, благословенна будь память о нём, пришла идея перевести слово кошерная в число, и просить украинца передать управляющему мельницей число пятьсот двадцать, что является отражением слова кошерный в гематрии (нумерологии). Украинец повторил это число несколько раз, пока не выучил наизусть. Когда же он вернулся обратно в деревню и передал управляющему мельницей Гершом-Меиру код, то управляющий тут же расшифровал этот код и узнал, что курица была кошерной, и смог закончить субботнюю трапезу как полагается по еврейскому закону.

38. Отчий дом

Я хочу посвятить несколько строк дому моего отца Цви Вортмана, который мог бы служить образцом прочим уважаемым и процветающим домам в местечке, в которых было принято изучать Тору и светские предметы. В нашем книжном шкафу были и светские, и религиозные книги: «Гемара» (Талмуд), «Яд Хачазака» (Могучие деяния) («Повторение Торы» - первый полный кодекс еврейского закона - Г.К.) и «Морех Невухим» («Путеводитель растерянных» – Г.К.) (обе написаны Маймонидом (Рамбамом)) рядом с романом «Блуждающий по путям жизни» Переца Смоленскина (1842-1885), поэмы Хаима Нахмана Бялика (1873-1934), и книга Толстого на русском языке. Еврейская газета «Хатзфира» на иврите, которую мы выписывали много лет (отец, блаженной памяти, как и многие другие евреи, был почитателем её издателя Наума Соколова (1859-1936)) соседствовала с русской газетой «Киевская мысль», а до неё с «Биржевыми ведомостями» из Санкт-Петербурга. Ещё мы получали русскоязычный сионистский еженедельник «Рассвет».

Много лет получали мы русский научно-популярный журнал «Вестник знания», который информировал образованные слои российского общества о делах научных. Во время Первой мировой войны мы получали еврейский еженедельник «Хаам» (Нация) на иврите, издававшийся в Москве. Это было единственное периодическое издание на иврите в России в тот период. После революции 1917 года еженедельник превратился в ежедневную газету. Для нас, детей, выписывались детский еженедельник на иврите «Хапрахим» и ежедневная газета на вокализованном иврите «Хачавер», которая издавалась около года.

Стоит упомянуть, что в нашем доме не было ни одной книги на идише, потому что стыдно было образованному человеку, не дай бог, читать книгу на «жаргоне», как лавочники. Правды ради скажу, что несколько старых книг на идише у нас были : «Цена уреена» (Женская библия) и «Шевет музар» и «Кав хаяшар» (книги по еврейской этике) и другие, которые читала блаженной памяти моя мама Хана, необразованная женщина, которая могла читать и писать на идише. Но современные книги на идише? Не стоит даже упоминания!

Мой отец, который был большим поклонником Рамбама (Маймонида) говаривал, что если бы Рамбам был жив, он пошёл бы повидать его пешком на край света. Хотя он был очень занят своим бизнесом, торговлей зерном и мукой, он находил время изучать Тору, обычно выкраивая для этого ночные часы. В три – четыре часа утра, когда все спали, он мог проснуться и разбудить меня чтобы разобрать со мной страницу «Гемары» (Талмуда). Каждую субботу он преподавал своим сыновьям Тору с «Ор ха-Хайим» (Хаим бен Моше ибн Атар, талмудист и каббалист, 1696-1743 – Г.К.) и другими комментариями.

Отец был очень благочестивым человеком и соблюдал все законы «Шульчан арух» (Свод еврейских законов), но он не был религиозным фанатиком. Сыновья его, как и все молодые люди нового поколения, брились и не соблюдали строго все заповеди и предписания, но дома не нарушали традиций. Хотя мой отец был из хасидского дома, он не был хасидом и никогда не ходил к хасидскому раввину чтобы передать ему «квиттель» (просительная молитва). Он часто жертвовал деньги одному из хасидских реббе, учёному из хасидской семьи, когда тот приезжал к нам в местечко, но при этом он не подавал тому «квиттель».

Между прочим, когда этот реббе приезжал в местечко, он посылал к нам детей хозяина у которого останавливался с просьбой дать почитать светскую газету «Хатзфира». Этот реббе, который, мне кажется, был потомок хасидского реббе Зиси из Аниполя (1718-1800), не видел никакого противоречия между чтением «Хатзфиры» и получением «квитлах (мн. от квиттель)». По правде сказать, он не был удовлетворён тем, что зарабатывал себе на жизнь таким путём, и не раз сожалел, что не стал раввином в большом городе. Но его паства не позволяла ему сделать это.

Как упоминалось в главе «Библиотека и театр», мой отец купил много книг в Центральном, варшавском книжном издательстве, и особенно любил он читать о вещах серьёзных, таких как наука и научные исследования, а не художественную литературу, которую предпочитало молодое поколение. Он мог вытерпеть «Блуждающий по путям жизни» и подобные книги. Так что книги, религиозные и светские, мирно уживались в нашем доме, но совсем не пересекались.

Мой отец Цви умер в Умани в 5675 году (1914/1915) в возрасте 56 лет (ок. 1859 - ок. 1915), а моя мама Хана умерла в Тель-Авиве в 5689 году (1928/1929) в возрасте 68 лет (ок. 1861 - ок. 1929). Да благословенна будет память о них.

39. Дом Израиля

А. Праведник

«Гром создан был с единственной целью выправить изъяны в сердце человека» (Талмуд).

Хотя Израиль, сын Бен Циона, был человеком праведным, таким, о котором говорится в Книге Псалмов (15:2-5): «Тот, кто ходит непорочно и делает правду, и говорит истину в сердце своем; кто не клеветает языком своим, не делает ближнему своему зла и не принимает поношения на ближнего своего, тот, в глазах которого презрен отверженный, но который боящихся Господа славит; кто клянется, [хотя бы] злomu, и не изменяет; кто серебра своего не отдает в рост ...». Когда же слышал он удар грома, то очень сильно пугался, как будто гром был послан «только с целью выправить изъян в его сердце». И спешил он спрятаться пока гроза не стихнет. Большую часть времени он изучал Тору, перемежая это занятие молитвами и добрыми делами. Лавкой его в основном управляла его жена (см. ниже главу «Суфражистка»).

В субботу он никогда не выходил из дому кроме как в Клойз (малую синагогу). Однажды в субботу всё ж пришлось ему пойти в еврейскую аптеку за лекарством для заболевшего члена семьи. Как же изумился он, увидев через открытую дверь как на кухне в доме аптекаря, что стоял рядом с аптекой, стоит кипящий чайник.

Конечно, Израиль, сын Бен Циона, соблюдал библейскую заповедь (Левит 19:17): «Обличи ближнего твоего, и не понесешь за него греха». Он обратился к аптекарю прямо и жёстко с просьбой объяснить, почему в еврейском доме в Святую субботу на столе стоит кипящий чайник.

Умный аптекарь ответил: «Кипячёная вода нужна для приготовления лекарства, необходимого для спасения человеческой жизни». Услышав такой ответ, Израиль, сын Бен Циона, успокоился и ему стало неловко, что он заподозрил ни в чём не повинного человека в грехе.

Б. Суфражистка

Хая, жена Израиля, умная и самоуверенная женщина, которая, как уже сказано ранее, в основном управляла их лавкой, в женском отделении Клойза, куда она ходила, считалась знатоком религии и молитв, и со всеми сложными вопросами женщины обращались к ней. Она происходила из Тальненской ветви потомков хасидских реббе, и была в ней искра «Девы из Людмира» (Хана Рахиль Вербермахер, 1805-1888) (в то время единственная независимая женщина-раввин в истории хасидского движения – Г.К.). Она жаловалась, что мужчины присвоили себе все шестьсот тринадцать заповедей, оставив женщинам только жалкие крохи.

Чтобы позлить эгоистичных мужчин, она стала соблюдать несколько заповедей, которые полагалось соблюдать только мужчинам. Она возносила все три ежедневные молитвы каждый день, и совершала почти все сто одно доброе дело каждый день, и т.д. Вот какие ответные меры она принимала против мужчин, которые присвоили себе все заповеди, и дискриминировали женщин, и даже утверждали, что женщины не обязаны исполнять все заповеди...!

С. Иерусалимцы

Один из сыновей Израиля и Хаи, которого звали Ицхак, покинул местечко за несколько лет до Первой мировой войны дабы не попасть в царскую армию и иммигрировал в Палестину под чужим именем и с поддельным паспортом. Здесь, в Израиле, его знали в разных кругах под новым именем. Он осел в Иерусалиме и ассимилировался в старой умеренной религиозной общине.

Иногда он приезжал в Россию, чтобы продать партию Этрога, и т.п., но в Терновке не появлялся, боялся местных властей. Инкогнито приезжал он в Умань, и его родственники тайком приезжали к нему туда повидаться. Ицхак часто приезжал в Россию под чужим именем. После Второй мировой войны его братья и две замужние сестры присоединились к нему в Израиле.

40. Еврейские разбойники

Местечко Терновка стояло в отдалении от железной дороги. Ближайшая станция была в деревне Жолонок, на расстоянии около 24 км (на ЮЗ). Ближайший большой город, центр уезда, был город Умань. Там проживало около 40 тысяч человек, среди которых около 25 тысяч были евреи. Основным транспортом были повозки: еврейские возчики перевозили пассажиров, а украинские в основном возили товары. Около пяти еврейских экипажей ежедневно курсировали между Терновкой и Уманью – в хорошую погоду пассажиров перевозили в экипажах, а по грязи обычными возами. Были и другие возчики с возами, которые отправлялись в разные местечки, по одному на каждое.

В большое местечко Бершадь, на расстояние около 50 км, когда экипажу из-за длинного маршрута было трудно обернуться за один день, возчики выезжали и возвращались каждые два дня. Балагул (так назывался еврейский возница), который ездил на Бершадь, был пожилым человеком без большого пальца на правой руке. И вот как это случилось. Когда он был ещё мальчиком, мать его увидела идущих к их дому хаперов (бандиты, воровавшие еврейских мальчиков 7-10 лет, и продававшие их в царскую армию на службу кантонистами) чтобы украсть её сына. Она схватила топор с кухни и отрубила ему большой палец. Когда хаперы вломились в её дом, было уже поздно, потому что мальчик уже не годился в армию Николая I.

Однажды этот пожилой человек получил от сына из Америки почтовый перевод на 200 долларов, которые предназначались для покупки билета в Америку, куда он собирался переехать к сыну. Он поехал в Умань в банк за деньгами. Об этом прознали другие терновские балагулы, которые сговорились с уманьскими возчиками, и вот, когда пожилой возчик возвращался домой из Умани, они поджидали его у леса, спрятавшись у края дороги. Они переоделись, чтобы их было не узнать, и напали на него, связали, и украли деньги. В конце концов их нашли и судили, посадили в тюрьму и заставили платить штраф.

41. Старый водовоз

Чезкель (Ичезкель), пожилой водовоз, как и старый балагул, тоже потерял большой палец правой руки. Так же как и в случае с балагулом, когда его отец увидел идущих к его дому чтобы украсть его сына хаперов, он схватил кухонный нож и отрезал ему большой палец, чтобы тот стал непригодным для службы в царской армии.

Чезкель возил воду в местечко несколько десятков лет, но еле сводил концы с концами. Если бы не маленькие халы (субботние булки), которые дарили ему клиенты накануне субботы в дополнение к его нищенской зарплате, и которыми он кормился всю неделю, жизнь его была бы в семь раз хуже.

Водовоз очень гордился своей дочкой, которая была вроде как учительницей русского языка. Русский язык она знала совсем немного, и вот эти скудные знания она за копейки передавала детям. И хотя плата была мизерная, в глазах отца это была очень почётная работа.

Между прочим, не все могли заплатить за обучение своих детей и эту мизерную плату. Образованные дочери преуспевающих родителей приходили им на помощь и обучали детей читать и писать по-русски бесплатно. Я помню как два ребёнка из бедной семье приходили к нам домой, и мои две сестры обучали их русскому языку и арифметике.

42. Арка повозка

Арка повозка, или Аарон-перевозчик, был известен по всей Терновке. Всем нужен был его скрипучий воз и бедная лошадь. Арка был единственным перевозчиком в Терновке, у него не было конкурентов. Если небедный еврейский мужчина покупал в лавке мешок муки, кто доставит этот мешок к нему домой, как не Арка-повозка, чтобы его жене не пришлось каждую неделю таскать муку сумками? Или если кто-то переезжал, кто перевезёт его пожитки – подушки, одеяла, стулья, стол, и проч., хотя и не за один рейс, не дай Бог? Кто перевезёт, как не Арка повозка?

Всем нужен был Арка повозка, и часто люди готовы были «подмазать его руку», только чтобы он поторопился с перевозкой. И лишь в редких случаях, если кому-то надо было перевезти очень большой груз зараз, и «лошадиной силы» бедной лошадки Арки не хватало, только тогда нанимали украинца с двумя лошадьми и большим фургоном, чтобы перевезти этот тяжёлый груз.

Поскольку лошадь Арки не была, не дай бог, породистой бельгийской лошастью, а простой несчастной лошадкой, только шкура да кости, служила она обычно недолго, прежде чем испускала дух. Время от времени эта беда наступала Арку.

Говорили, что он не особенно горевал, потому что зачастую продавал шкуру павшей лошади дороже, чем стоило ему само животное. И когда лошадь умирала, он не очень торопился купить новую, а просто отдыхал.

«У меня нет денег на новую лошадь,» - говорил он. Ведь полученные за шкуру лошади деньги ушли на жизнь. И лавочникам ничего не оставалось как скинуться на новую лошадку для Арки, потому что если не купить ему новую лошадь, то, не дай бог, дела в местечке встанут.

Арка-повозка был не очень сильный мужчина, он был конечно не сильнее, чем его бедная лошадь. Часто он поговаривал: «Клянусь, я хочу умереть. Силы покидают меня. Я устал от всего – перевозок, повозки, лошади, я устал от самого себя. Клянусь, что я хочу умереть!»

43. Еврейский почтальон

В царское время никого из евреев местечка не брали на гражданскую службу, но было одно исключение. Это был еврейский почтальон, который был полу инвалид и подволакивал ногу, Гершель-почтальон. Будучи семейным молодым человеком, ему надо было искать средства к существованию. Он пытался зарабатывать распространением еврейских газет «Хайнт» и «Момент» по подписке, но с трудом зарабатывал на жизнь.

С началом Первой мировой войны, когда немцы захватили Варшаву, он остался без газет и без средств к существованию, и тогда несколько человек обратились к почтмейстеру с просьбой, чтобы тот взял этого молодого человека на службу разносить почту евреям.

Поскольку украинского почтальона только что забрали на войну, почтмейстер согласился отдавать этому молодому человеку предназначенные евреям почтовые отправления. Еврейский почтальон не получал жалования от правительства, поэтому почтмейстер не был в накладе. Почтальон жил на то, что подавали ему получатели писем. Между прочим, хотя он и подволакивал одну ногу, почту он разносил быстрее, чем украинский почтальон!

44. Украинец, надевший тфилин

Тяжело было встретить украинца, который был бы жестянщиком, или парикмахером, или портным, но найти украинца-сапожника было легко. По какой-то причине молодых украинцев эта профессия привлекала. Обычно они учились у еврейских сапожников. А, поскольку они работали среди евреев много лет, они заодно выучивали идиш и еврейские обычаи.

Один украинец по имени Михась, носивший шапку еврейского покроя без блестящего козырька, как было принято у украинцев, в юности был в ученичестве у евреев. Он прекрасно знал идиш, ну не хуже любого еврея. Когда по делам торговым он общался с евреями, то разговаривал только на идише, и никогда на украинском языке. Особенно любил он говорить на идише в присутствии других украинцев, которые удивлялись как быстро он говорил на языке евреев.

Однажды Михась поехал на ярмарку в отдалённое местечко под названием Кривое Озеро (около 100 км на Ю от Терновки). Там он пришёл в дом одного еврея, чья дочь была замужем за евреем из Терновки, у которого была большая и выгодно расположенная гостиница. Михась представился этому человеку балагулом (возницей) из Терновки, и передал ему привет от дочери, зятя и внуков. Было утро, и он попросил этого еврея талес и тфилин, чтобы помолиться на утренней молитве, потому что выехал из Терновки перед рассветом и не имел времени помолиться.

Конечно этот еврей дал ему и талес, и тфилин, поскольку он представить себе не мог, что это был не-еврей. Михась, который много лет видел как еврейский сапожник накрывался талесом, одевал тфилин, и произносил свои молитвы, очень похоже сыграл эту роль: тоже накрылся талесом, надел тфилин и притворился что молится по молитвеннику который ему дали, напевая мелодию, которую слышал столько раз от сапожника на молитве. Когда он вернулся в Терновку, то пошёл к зятю того еврея, у которого молился, владельцу гостиницы, передал ему привет от тестя и всей семьи, и со смехом рассказал как он подшутил над его тестем в Кривом Озере. Между прочим, этот «украинский еврей» совсем не обязательно любил евреев.

45. Писарь Шмерел

Несколько писарей в местечке неплохо зарабатывали на составлении писем в судебные инстанции. В большинстве своём их запрашивали местные украинцы, которые часто были вовлечены в разные разборки и ссоры. Причиной этих раздоров обычно были водка и вино. Эти дела рассматривались в суде соседнего города Теплика (около 24 км на СЗ от Терновки). Если судебных дел из Терновки было много, то судья иногда сам приезжал в Терновку на день или два чтобы рассудить истцов в волостной управе, административном управлении деревни.

Основным составителем таких писем был Шмерел-писарь. Звали его так потому, что сначала он обучал еврейских детей читать и писать русский алфавит, и основным навыкам русского языка, чтобы они могли написать адрес на русском языке. Потом он бросил это занятие, которое приносило мало денег, и стал составителем писем-апелляций в суды и другие государственные органы, что приносило хороший доход и значительно повысило его общественный статус.

Шмерел-писарь имел представительную внешность. Был он высок, носил чёрные усы и пенсне, чтобы произвести впечатление на неграмотных украинцев, которые приходили к нему за помощью. Он обладал прекрасным почерком и мог писать обеими руками. Почему обеими? Потому что он писал одной рукой, а вторую клал поверх первой. То ли хотел произвести впечатление на неграмотных украинцев, то ли руки у него дрожали.

Начиная с какого-то времени аккредитованным составителям апелляций разрешили персонально представлять в судах интересы клиентов. Когда Шмерел-писарь появлялся в суде по делу своего клиента, лицо его излучало счастье и чувство значимости. Он казался себе важным адвокатом, как известные еврейские российские адвокаты Куперник или Грузенберг.

Чтобы производить впечатление знатока, он купил «Свод законов Российской Империи» (16 томов – Г.К.) и перечитывал их в присутствии клиентов. Между прочим, он часто хвалился, что писал письма даже на имя Его Величества Государя-Императора!

У Шмерела-писаря в местечке был брат-меламед. Звали его Песах-Герш, и он хвастался своим «братом-адвокатом». Когда этот меламед с кем-нибудь был в раздоре, то угрожал противнику: «Поберегись. У меня есть брат, который знает как писать письма,» - скромный намёк, что тот может написать жалобу властям.

Кроме Шмерела-писаря были в местечке и другие составители апелляций, среди них студент иешивы по имени Альтер Тразай, который жил в доме своего тестя и, не имея другой профессии, стал составителем апелляций.

46. Кровавое дело Бейлиса

Во время Дела Бейлиса (сентябрь-октябрь 1913 года) всё местечко жило в напряжении. Несколько человек, которые получали русские, ивритские («Хатзефира», «Хаземан») и идишские («Хайнт», «Момент») газеты, информировали остальных евреев о ходе процесса. Правда, все эти газеты, и те, что издавались на русском языке в Санкт-Петербурге, и издававшиеся на иврите и идише в Варшаве и Вильно, приходили в местечко только на третий день после выхода из печати, и содержание их было немного устаревшим, но это нисколько не уменьшало огромного внимания, обращённого к процессу.

Праздные посетители синагоги Бейт Хамидраш и синагоги Клойз обсуждали каждое слово прокурора, адвокатов защиты, и знатоков иудаизма на этом процессе, и относились к их словам очень серьёзно.

Все с нетерпением ждали, чем кончится процесс. Радостная весть о том, что Бейлиса отпустили, пришла в Терновку не из газет, которые появлялись с большим опозданием. Честь сообщить об этом выпала молодому человеку из Терновки, который работал в Одессе служащим. Сразу по выходе из печати постановления суда об освобождении Бейлиса, он немедленно послал своим родителям в Терновку телеграмму на идише: «Бейлис бафрейт (Бейлиса освободили)». Телеграмма пришла в Терновку в 23:00 во вторник 28 Октября 1913 года.

Хотя Израиль Чёрный, отец этого молодого человека, уже лёг спать, он встал, оделся, и поспешил передать радостную весть соседям и знакомым, а они передали её остальным жителям местечка. Меньше чем через час всё местечко уже знало об этом важном решении, и почти все они вышли на улицы и стали расхаживать, собираться в группы, и обсуждать эту радостную весть и чудесное спасение евреев. Ведь если бы Бейлиса признали, не дай Бог, виновным, члены Чёрной сотни выразили бы свою радость новыми погромами!

47. Кошмары

В соседнем с нами доме жил Раввин местечка с сестрой и мужем сестры. У мужа сестры довольно далеко от дома, в торговом районе, была лавка. Однажды ему выпала возможность купить квартиру в том же доме, где была лавка. Он этим воспользовался, и купил ту квартиру, а свою продал бондарю (производителю бочек), который предложил самую большую цену. Раввин очень противился продаже квартиры бондарю, не обязательно потому что жить с ремесленником было ниже его достоинства, а потому что производство бочек сопряжено с большим шумом, и это вызывает неудобства.

Весь день бондарь расщепляет древесину чтобы сделать доски для бочек, пилит, строгает, колотит молотком по обручам, и т.д., все эти операции не сочетаются с чтением книг или отдыхом. Из-за этой продажи раввин надолго перестал общаться с сестрой и её мужем.

Вообще-то сестра раввина с мужем были ни при чём, поскольку квартира эта принадлежала матери мужа, тиранической и подавляющей всех женщине, которая к тому же владела и лавкой. Так что сын её с семьёй полностью от неё зависел. Её не интересовали проблемы раввина и его взаимоотношения с сестрой и её семьёй, а только круглая сумма вырученная от продажи квартиры, которую уплатил бондарь.

Однажды, примерно год спустя после появления нового соседа, в жаркую летнюю ночь мы с братом спали на веранде нашего дома. Почти все дома местечка были одноэтажные, а у веранды была крыша, так что роса нам была не страшна. Многие жители местечка спали в такие ночи на верандах. И вдруг в полночь страшные крики раздались из веранды Исая (Сухера на идише), нашего соседа-бондаря, тихого приятного человека. Разбуженные криками, мы спросили соседа, который, как и мы, спал на веранде, что это было? Вот какую страшную историю мы он рассказал.

Когда по югу России в начале 1880-х годов прокатилась спровоцированная и поддержанная правительством волна кровавых погромов, среди сотен местечек пострадала и Балта, где жил тогда наш сосед. Он был ещё маленьким, когда однажды ночью кровожадные погромщики ворвались к ним в дом, убили родителей и старших братьев, разграбили и разрушили что могли.

Увидев что случилось с родными, проснувшийся ночью мальчик дико заорал от ужаса. Десятилетия спустя глубокой ночью во сне он будил окружающих дикими душераздирающими криками. Несчастная жена его уже привыкла к этому, а теперь и мы узнали о его несчастье. Между прочим, никто из докторов, к кому он обращался за эти годы, не смог ему помочь, так как никто не знал как бороться с детскими кошмарами.

48. Город на реке (на речке Удич)

Терновка стояла между двумя речками (двумя ветвями речки Удич), малой речкой на краю местечка, у которой стояла старая баня, и большой речкой, около украинской деревни Терновка. В этих речках водилась рыба, которую жители могли использовать для субботнего стола. Поскольку местечко стояло на реке, то, по еврейскому закону, оно считалось пригодным для отправления процедуры развода. В округе было несколько местечек, где речек не было, и местным супружеским парам приходилось ехать в Терновку за разводом к местному раввину. Так как наш дом соседствовал с домом раввина, моего старшего брата часто просили быть свидетелем при разводе. Нередко и мне доводилось видеть эту церемонию, и часто замечал я слёзы в глазах разводящихся.

49. Моржи

Старая баня была полная развалюха, вот-вот рухнет, так что общество начало строить новую, но, ввиду недостатка средств, стройка эта растянулась на много лет, проводить церемонию микве (ванна используемая для ритуального омовения) стало негде. Летом те, кому надо было совершить омовение, шли на речку. Но зимой, когда речка замерзала, многие благочестивые женщины, которым было положено совершить это омовение, вынуждены были ехать в соседнее местечко, и там опускаться в микве. Ультра-ортодоксальные евреи окунались в прорубь.

Как они это делали? Несколько благочестивых евреев брали с собой одеяла и меховые шубы, а также тяжёлые топоры и пики. В пятницу, в морозный день, группа набожных мужчин отправлялась на речку, чтобы опуститься в воду в честь святой субботы. С помощью принесённого инструмента они прорубали во льду прорубь. Стоя на тёплом одеяле и завернувшись в тёплую шубу, каждый подходил к краю проруби и, быстро раздевшись, прыгал в воду (вода не была очень холодной, потому что лёд защищал её от мороза), окунаясь в микве.

На выходящего из воды мужчину быстро накидывали тёплую шубу, и, стоя на тёплом одеяле, он быстро одевался, а ноги засовывал в тёплые валенки.

Вот как они окунались зимой в проруби. В глазах остальных набожных мужчин, которые не рисковали войти в ледяную воду, эти моржи были героями, а в устах остальных не столь глубоко верующих, были предметом различных шуток. Я запомнил трёх «моржей» - Элияху Г., Шмуэля – Аббу Г. и шойхета Ешайяху, уже упомянутого ранее (в главе 36).

50. Нищие

Как и во многие города и местечки диаспоры, и в Терновку приходили бедные люди и шли от дома к дому прося милостыню. Было их два типа: профессионалы, которые нагло требовали денег, и робкие люди, по выражению лица которых было видно, что они не привыкли попрошайничать, и только нужда заставила их пойти просить подаяние.

В местечке был приют для странствующих нищих. Им разрешалось оставаться там около недели. В отдельных случаях им разрешалось жить дольше. Заведовал приютом пожилой еврей, чья жена в молодости была женой (израильского) писателя-переводчика Элимелеха Иш-Наоми, но они расстались.

Каждый день этот мужчина раздавал бедным записки с адресом семьи, которая накормит их обедом. В пятницу записки были не нужны, поскольку бедные шли молиться в синагоги накануне субботы, и каждый небедный человек приглашал их поесть к себе домой. Порой приглашений было больше, чем нищих.

В дополнение к этим бедным людям, в местечко заходили странствующие евреи, которых на идише звали «бейдлех», но это случалось редко. Появлялись они в двух-трёх крытых парусиной фургонах, с жёнами и детьми. Само слово «бейдлех» вроде бы произошло от формы крыши этих возов: «бойд» на идише, то есть купол. Они растекались по местечку и требовали своего. Правду сказать, население местечка смотрело на них недобрыми глазами. Их даже подозревали в воровстве. Вид этих бродяг словно возвращал в старые времена так блестяще описанные Менделе Мойхер-Сфоримом (Ш.Я.Абрамович, 1836 по новому стилю -1917).

51. Слепой Иезкель

На одной из самых дальних улиц местечка проживал человек, который не очень хорошо видел. Он всегда носил тёмные очки. Все звали его “Слепой Иезкель”, хотя он вовсе не был слепым. У него был дом и лавка. Поскольку лавкой заправляла его доблестная жена, делать ему было нечего. Чтобы не сидеть без дела, нашёл он себе необычный источник дохода.

Садился он на поезд, и на одной из остановок вдруг «падал в обморок». Когда же пассажиры с большим трудом приводили его в чувство, и спрашивали, что с ним случилось, сквозь плач и слёзы рассказывал он, что ехал за товаром для своего магазина, а деньги были в бумажнике, несколько сотен рублей. Выйдя на станции чтобы поесть в буфете, он вдруг обнаружил, что деньги украли. При этом он снова падал в обморок.

Путешественники, большинство которых были евреи, жалели бедного лавочника, особенно потому, что у него было слабое зрение, и собирали вскладчину приличную сумму на покупку товара. Он падал в обморок на разных станциях, собрал внушительную сумму денег. Конечно, каждый раз приходилось ему отъезжать дальше и дальше. Несколько лет всё было гладко, пока наконец его уловка не стала известна всем, и его не признали «профессиональным обманщиком», и подавать ему перестали.

К тому времени как он понял, что игра закончена, он уже собрал довольно много денег, и теперь «слепой Иезкель» успокоился и сидел дома, помогая своей жене в лавке, и больше не падал в обморок на разных железнодорожных станциях.

52. Рассказ о приказчике

После окончания учёбы в хедере сыновья ремесленников и бедных людей обучались ремеслу, обычно после бар-мицвы (с наступлением 13 лет). Учились они у портных, сапожников, парикмахеров, и проч.

С другой стороны, не дай бог, если сын состоятельных родителей пойдёт учиться какому-нибудь ремеслу чтобы зарабатывать себе на хлеб. Их пристраивали обычно приказчиками в магазины готового платья или подобные. Правда, зарплата их была небольшая, даже после многих лет работы, и прожить на неё было невозможно. С другой стороны, работа была не тяжёлая и не пыльная, и, со временем, набравшись опыта в торговле и разобравшись в разных категориях товара, он мог жениться на девушке с хорошим приданым, открыть свой собственный магазин, и разъезжать по ярмаркам в соседние местечки.

Среди таких приказчиков был сын деревенского еврея, который работал в большом галантерейном магазине Авраама Яновского и потом иммигрировал с ним в Палестину. Этот приказчик воспользовался доверием управляющего магазином, и потихоньку начал таскать с работы товар. Пол года всё шло незамеченным, потому что в магазине и на складе было очень много товара. Краденое приказчик продавал владельцу небольшой еврейской лавки. Но в конце концов его поймали с поличным. После расследования он во всём признался, и даже поведал кто скупал у него товар и сколько он за него выручил.

Всё местечко было в шоке, когда стало известно, что еврей своровал у еврея. Такого ещё не бывало. Чтобы искупить свою вину и не пойти под суд, оба – продавец и покупатель - заплатили приличный штраф, и это спасло их от нескольких лет тюрьмы!

53. Менаше - пяточок

Звали его так потому, что именно столько стоило всё, что продавалось в его ларьке. Постоянного места торговли у него не было, вместо этого он таскал с собой по ярмаркам переносной стенд, а поскольку на такой доход прожить было невозможно, придумал он себе уникальный источник дохода: стал продавать удачу.

На столе у него стояло четыре коробки со свёрнутыми в трубочку предсказаниями, написанными на простом русском языке, так чтобы их можно было легко прочесть. В первой коробке были предсказания для холостяков. Во второй для девиц. В третьей коробке были предсказания для женатых мужчин, а в третьей предсказания для замужних женщин. Каждая записка в коробке отличалась от других, предсказывая покупателю его судьбу.

Кто же доставал записки из коробок? На столе сидел красивый попугай и кричал: «Мазел! Мазел! (Удача, удача!)». Когда кто-нибудь покупал предсказание, а это были только украинцы, попугай доставал записку из соответствующей коробки. Для этого Менаше сначала узнавал семейное положение покупателя. Когда украинский парубок читал предсказание (если он не умел читать, кто-нибудь грамотный читал для него), сердце его переполнялось счастьем и радостью. Предсказание обещало ему, что он женится на прекрасной стройной работающей девушке, которая родит ему много крепких сыновей.

Если записку покупала украинская девушка, он обещал ей красивого парня, сильного и хорошо устроенного, и, что особенно важно, он не будет напиваться и бить её. Эта дивчина конечно будет безмерно рада. Семейным мужчинам предсказания обещали счастье и удовлетворение от детей, хорошие урожаи, и много скота и свиней. Предсказания никогда не обещали ничего плохого, не дай бог, а только удачу.

Вот так Менаше-пятыкопеечник зарабатывал себе на жизнь продавая предсказания счастья. Но собственного счастья у него было немного, всю жизнь прожил он в бедности!

54. Сендерле-баба

Его никогда не звали настоящим его именем, Мойше, а только с добавлением имени его жены, Мойше – П...ин. А почему? Потому что она была фактически главой семьи, женщиной, а он был как «Женщина Сендерл» (персонаж книги «Путешествия Бенямина Третьего» С.Я. Абрамовича)(любопытно, что поначалу Абрамович, фамилия которого при рождении была Бройде, выбрал себе псевдоним Сендерле-книгоноша (мойхер-сфорим по-еврейски, что в конце концов стало его литературным псевдонимом), Сендерле также уменьшительно-ласкательное от имени Александр – Г.К.). Он был слабым, жалким, наивным и бесполезным человеком, не имеющим жизненного опыта, сам и копейки не заработал. Семью кормила она. Она была торговцем, продавцом, всю жизнь путешествующим по различным ярмаркам в округе. Своей лавки у неё не было, так что, чтобы продать свой товар украинцам, моталась она по ярмаркам.

Торговала она белой хлопчатобумажной материей и другой, производства фабрики Морозова в Москве, которая славилась в России своим качеством. Вечером, полумёртвая от усталости, возвращалась она домой с ярмарки, а перед рассветом, после нескольких коротких часов сна, снова спешила со своим товаром на очередную ярмарку. И так каждый день, весь год, всю свою жизнь таскалась она по базарам в морозные зимы, в душные летние месяцы, и в дождливую осень. Приедет на ярмарку, установит свой прилавок, разложит рулоны белой материи, да расхваливает свой товар, а чтобы доказать простым украинцам, что её материя самая лучшая и сноса ей не будет, ткнёт в полотно пальцем чтобы показать, что она, не дай Бог, не рвётся.

Как сказано уже, вся её жизнь прошла в разъездах по ярмаркам. По местечку ходили слухи, что всех своих детей она родила в повозке. А Сендерле-баба ни разу не съездил с ней ни на одну ярмарку, ну хотя бы для того покараулить, чтобы какой-нибудь украинец не стащил чего с прилавка. Сидел он себе дома, или у плиты в синагоге Клойз с другими праздными мужчинами, и занимался важными вопросами... например политикой Российской Империи.

Иногда, зимним морозным вечером, когда жена возвращалась с очередной ярмарки, замёрзшая и обмороженная, и сама в темноте таскала рулоны материала из повозки, муж делал ей одолжение: светил лампой, пока она таскала товар. Он одевал шубу или укутывался в тёплое одеяло и вздыхал: «В такой холод очень опасно стоять на улице».

Его час настал, когда грянула Первая мировая война. Тогда-то его руки стали полны «работы». Вместе с остальными бездельниками в Клойзе он разбирал стратегию и тактику ведения войны Верховного Командования Германии. Конечно, он был одним из лидеров среди «патриотов Германии». До тех пор, пока Верховное Командование Германии слушалось его стратегических советов, немцы побеждали, но стоило им только послушаться этих его стратегически важных советов, они терпели поражение за поражением.

Вот как жил-поживал Сендерле-баба!

55. Пожары

Пожары случались в местечке довольно часто, поскольку всё ещё много было еврейских домов покрытых соломой, как у украинцев. Только в последние годы почти все дома в местечке покрыли жстью или дранкой.

Среди больших пожаров запомнился мне один, который уничтожил большую лавку и дом еврейского торговца Шмерела. Страхование от пожара было не очень распространено в то время, и он остался ни с чем. В помощь ему зажиточные люди собрали большую сумму денег. И вправду, с этими деньгами он сызнаова отстроил свой дом и магазин, и обрёл своё прежнее положение.

А ещё большой пожар случился на маслобойной фабрике Городецких, что стояла в центре местечка. Поскольку была большая вероятность того, что, если загорятся бочки с готовым маслом и мешки с семечками, то огонь распространится на соседние дома, множество людей рисковали собой выкатывая бочки на улицу. Вынесли и мешки с семечками. С большим трудом огонь удалось погасить, но только после того, как здание сгорело почти до основания. Между прочим, на этом здании крыша была из жести и дранки.

Помню ещё один случай, у одного бедного еврея сгорела жалкая хижина, и он громко заявил, что если общество не поможет ему, то он со всей семьёй переедет жить в одну из синагог. Его угрозы подействовали, и ему помогли отстроиться.

56. Страж Израильский

До революции в определённые времена года несколько еврейских мужчин по очереди сторожили Терновку по ночам. По-русски это называлось обход. Десятник, который был представителем полиции, но был одет в обычную одежду, а не в полицейскую форму, гордился своими помощниками. Он таскал с собой большую дубину и носил медную бляху на рукаве с указанием своего полицейского ранга. Как представитель полиции, он приходил со списком людей, назначенных в очередной обход. Когда кому-то не хотелось идти на это дежурство, он подмазывал десятника парой копеек и просил освободить себя ввиду плохого самочувствия.

Конечно, десятник соглашался, но назначал другого еврейского мужчину чтобы заполнить вакансию. Эти стражники совершали пару кругов по местечку, а потом усаживались на лавку у одного из домов и болтали о том, о сём, или дремали. Иногда десятник или полицейский чин приходили с проверкой. Вот так охранялось местечко по ночам.

В дополнение к еврейскому обходу, в местечке был ещё и украинский сторож. Владельцы магазинов в торговом районе местечка за свои деньги нанимали сторожа. Обычно это был пожилой украинец, который был уже на покое, так что он мог по ночам сторожить, а днём отсыпаться. Получал он несколько рублей в месяц, что было достаточно для скудного пропитания. Как уже отмечалось, сторожил он только магазины расположенные в торговой части местечка.

Он был вооружён дубинкой, которой ударял по пустому ящику каждые два-три часа, дабы объявить всему миру, что не дремлет страж Израильский, не спит он, и, не дай Бог, выполняет свои обязанности в полной мере, и чтобы воры, разбойники и бандиты во всём мире слышали и знали, что он стоит на страже и не позволит им тронуть, не дай Бог, немалого имущества, которое вверено ему в охранение.

Иногда, раз в две ночи, владельцы магазинов приходили по очереди ночью убедиться, что ночной сторож действительно стоит на страже, но зачастую проверяющий заставал охранника страшно храпящим во сне. И всё равно его держали на службе.

Когда их спрашивали, почему же не уволят они ночного сторожа, который так плохо относился к своим обязанностям, они давали такой недвусмысленный ответ, что больше вопросов не было. Хозяин магазина отвечал, что, если нанять молодого украинца, то была возможность, что тот сам начнёт воровать. Не то что этот старый дед с трясущимися руками. Никто не боялся, что он влезет в магазин и украдёт. Действительно, логичная точка зрения...!

Так вот этот страж Израильский сторожил торговый район местечка без происшествий много лет. И вправду, за все годы его службы ничего не пропало, но только потому, что ... разбойников, воров и бандитов в Терновке и окрестностях было не так уж много...!

Примерно за месяц до призыва в армию местечковые допризывники по обычаю собирались поздно вечером вместе чтобы немного похулиганить ночью, подшутить над кем-нибудь, как я писал уже в главе Рекруты (25).

Одной из шуток было связать сонного сторожа верёвкой и перенести его с облюбованного им места в чей-то двор. Когда сторож просыпался в незнакомом месте, то совершенно не мог понять где он и как там оказался. Совсем непонятно было старику что это за странное место, и как получилось, что руки у него связаны.

Придя в себя, он сначала зубами развязывал руки, потом трясущимися руками развязывал ноги, ставал и три раза крестился, чтобы прогнать нечистую силу. Потом он сплёвывал три раза и волочил свои уставшие ноги на прежнее место. И ещё он бил дубинкой по пустому ящику, но в основном не для того, чтобы отогнать воров и разбойников, а чтобы прогнать демонов и нечистых духов, которые только и делают что, притаившись, поджидают честных и неповинных людей...!

57. Радости и развлечения в местечке

Радовались обычно семейным событиям: обрезанию, бар мицве, свадьбе, возвращению из армии, новоселью, и т.д. И только на праздник Симха Тора (после праздника Суккот) радость была всеобщая. Радость эта исходила от синагог, молельных домов, и растекалась вокруг них. Тогда евреи позволяли себе немного выпить чтобы ещё больше возрадоваться.

Самая большая радость была в доме вновь избранного габая (директора синагоги). Многие прихожане этого молельного дома заходили к нему домой и получали всевозможные угощения от жены габая. В последние годы стало обычаем для учеников иешивы приходиться в дом раввина вечером в каждый праздник чтобы вместе приятно провести время. Они покупали вино и допоздна пели хасидские песни и канторальную музыку.

Специальных развлекательных заведений в местечке не было. Однажды привезли в местечко кинематограф. Это было на самой заре киноискусства. Множество народа устремилось в зал посмотреть на это чудо. Перед революцией и в последующие годы кино в местечке не было.

Иногда в местечко привозили карусели и качели, и тогда ребятня и молодые украинцы катались до головокружения на деревянных лошадках. Карусель была не электрическая, а приводилась в движение мускульной силой. Если кто-нибудь соглашался три раза прокрутить карусели руками, то получал право на бесплатную поездку на этом аттракционе.

Зимой катались на санях. Ясным субботним вечером владельцы саней за плату катали желающих по местечку, по несколько кругов за раз. Пассажирами были в основном молодые мужчины и женщины. Дети катались на коньках по льду.

Однажды в местечко приехал учитель танцев и предложил уроки в одном из залов. Когда слух об успешном предприятии учителя танцев дошёл до другого учителя танцев, он поспешил предложить свои услуги жителям местечка. Сначала они конкурировали друг с другом, но потом смогли договориться и работали сообща, прекратив конкуренцию.

Вот как развлекались жители местечка!

58. Любитель природы

Хотя евреи Терновки, расположенной в плодородной Подолии, были ближе к природе, к полю и саду, чем евреи других губерний, за исключением евреев Бессарабии, от которых так и исходит дух поля и винодельни, садов рядом с домами почти не встречалось, кроме некоторых богатых граждан, на которых работали нанятые для этого украинцы.

Было просто невозможно себе представить, чтобы здравомыслящий еврей забросил своё учение, свою торговлю, своё ремесло, и стал возделывать свой участок, ухаживать за своими деревьями, и вдруг воскликнул: «Как прекрасно это дерево, как прекрасен этот луг!» - так, как говорят не-евреи, не дай Бог...!

И, не смотря на всё сказанное, был в местечке один необычный энтузиаст – любитель природы, у которого рядом с домом был замечательный сад за которым он сам ухаживал с самоотдачей и огромной любовью. Звали этого уникама Рувен-портной (Re'iven Schneider). Был он не просто портной, а женский портной. Это был портной-художник, с которым мало кто мог сравниться. Жёны богатых людей и жёны многих помещиков в окрестностях Терновки «стояли к нему в очередь», потому что хорошо знали, что лучшего портного, чем он, нет даже в соседнем городе Умани.

Был он религиозен, носил бороду, с лёгким характером, скромный, не болтун и застенчив. И, хотя он общался исключительно с женщинами, среди них с молодыми и очень красивыми, он не обращал на них внимания и называл их всех «белыми гусями», как рабби Гидал в Талмуде. Рувен был богат и владел двумя большими домами. В своё время в одном из них располагалась ивритская школа Натана Шаргородского (см. главу 6). А в другом, который стоял возле больницы, жил доктор.

Сыновей своих он учил и духовным, и мирским наукам. Один из них был художник Хайних (см. главу 11), который расписал Восточную стену Большой Синагоги (где стоял Святой Ковчег). Его хорошенькая дочка Соня вместе с братьями училась в ивритской школе, которая располагалась в его доме, и знала немножко иврит, что было довольно необычно для местечковой девушки. Сыновья его не водились, не дай бог, с сыновьями портных и лавочников, а только с сыновьями преуспевающих людей. Его жена, доблестная женщина, всегда похвалялась, что она дочь учителя Талмуда, «почти раввина», а не лавочника, но из-за тяжёлого положения отец вынужден был отдать её замуж за портного... «да защитит нас господь».

Всем гостям она показывала увеличенную старинную фотографию своего отца, которая висела на «восточной стене» её салона. Хотя Рувен вместе с несколькими молодыми швеями, которые на него работали, всегда был завален работой, часто вдруг бросал он свою срочную работу и выходил в сад, где, с любовью и страстью, ухаживал за своими деревьями, кустами и цветами, или просто ложился на лужайке в тени дерева подремать.

А ещё в саду у него была голубятня, и о голубях он тоже заботился с любовью и преданностью, и с нескрываемым чувством любил он слушать их воркование, когда они возвращались домой. Голуби, деревья и цветы были дороги ему как ни что другое.

Жена часто громко причитала, что он постоянно занят девчоночьими делами – деревьями, кустами, цветами, травой, голубями, и проч., а за своим прибыльным делом не следит, упуская огромные деньги. Но Рувен оставался верен своим увлечениям, саду и голубям, ведь он по-настоящему любил природу. В это время он ощущал непередаваемое удовлетворение, чувство облегчения, и словно парил над своей серой и скучной жизнью, связанной с ниткой и иглой, и с бьющим по нервам стрекотанием швейных машин.

Сад, деревья, цветы и голуби были радостью его жизни, жизни Рувена-портного!

59. Сапожник-гадатель

Жил в местечке Мойше-сапожник. Он не был мастером своего дела, а только ставил заплатки на обувь, и был он очень беден. Чтобы поднять свой доход, освоил он ещё одну профессию – гадание. Наивные украинцы, мужчины и женщины, приходили к нему и просили рассказать их судьбу, вот это-то и давало ему дополнительный заработок.

Жил он на краю местечка в жалкой лачуге, половина которой ушла в землю, так что каждый входящий должен был пригнуть голову. Однажды сапожник-гадатель решил подремонтировать свою покрытую соломой хибару, для чего поверх крыши соорудить конструкцию из деревянных шестов и покрыть всё жестяной крышей. Денег на покупку всего необходимого сразу у него не было, потому покупал он то кусок жести, то шест. За несколько лет он накопил всё необходимое.

Когда надстройка была закончена, со стороны казалось, что на голову младенца напялили огромную шапку. В конце концов семья слепила из глины кирпичи и встроила стены внутрь готовой рамы. Так вот трудолюбивый как муравей и выносливый как сталь Мойше-гадатель построил свой новый дом!

60. Первая Мировая война

Начало Первой мировой войны повергло население местечка в шок. В тот год 2 августа 1914 года (5674) совпало с «девятым днём месяца Ава», годовщиной разрушения обоих иерусалимских Храмов. И действительно, глубокая печаль воцарилась в местечке. Во многих семьях отцов и сыновей забрали в армию. Некоторые были ранены, кто-то попал в плен.

Спустя примерно год после начала войны один из молодых рекрутов, сын Наума Козодоя, пономаря Большой Синагоги, вернулся домой без руки. Руку он потерял не в бою, её оторвало на фабрике, где он работал как военнопленный. Он вернулся после обмена пленными-инвалидами между Россией и Австрией.

Во время войны власти забирали еврейских и украинских мужчин на рытьё траншей позади линии фронта. Однако желающим разрешалось посылать вместо себя замену, с условием, что они оплачивали труд этого заместителя. Богатые евреи воспользовались этим и нанимали украинцев, которые получали по тем временам большие деньги. Бывали случаи, что посланные не возвращались, умирали.

Поскольку Русская Армия не исключала возможности отступления и сдачи Галиции, на всякий случай они построили через наши края дороги. Тысячи крестьян с телегами были призваны чтобы подвозить с окрестных холмов материалы для отмотки дорог. Во время этого строительства засыпали один из глубоких колодцев, который построило местное земство за несколько лет до этого (см. главу 20): его засыпали, утрамбовали, а поверху построили дорогу. Дорогу так и не использовали для отступления. Когда фронт распался, армия побросала всё тяжёлое вооружение там, где оно стояло.

61. Патриот России

Был один еврей в местечке, просто гигант, рыжий, простой и всеобщий любимец, которого и евреи, и украинцы звали Берка Терновский (Медведь Терновский). Почему выпала ему такая привилегия - получить фамилию в честь нашего местечка Терновка?

Потому что однажды он уехал из Терновки и поселился в близлежащей деревне, где украинцы стали звать его Берка Терновский, по местечку, откуда он был родом. А когда он вернулся, то прозвище так и прилипло к нему, став фамилией. Был он бездетный, и взял на воспитание сына одного из своих родственников, которому Бог подарил много детей, да защитит их Господь от сглаза.

Квартира Берки Терновского была нетипичной для Терновки. В стенах не было окон, потому что его квартира была втиснута между двух других квартир, и стены его квартиры одновременно были стенами соседних квартир. Спереди и сзади этого дома, стоявшего между двумя улицами, были магазины, в том числе и мучной магазин Берки, так что ни один луч света не проникал в его квартиру. И что же сделал Берка для освещения своей квартиры, в которую ни спереди, ни сзади, ни сбоку свет не мог пробиться? Он пробился через потолок и вставил окна в крышу, так что солнце могло освещать его квартиру.

Во время Первой мировой войны, когда прихожане Клойза, как и большинство евреев, молились за поражение царя и падение его тиранического режима, и все были патриотами Германии, Берка Терновский был не как все. Он был патриотом России. С помощью знамений и чудес он доказал, что русские разобьют немцев. Патриоты Германии, которые разрабатывали стратегию и тактику Германского Верховного Командования около печки в Клойзе, готовы бали разорвать «предателя» Берку Терновского за его «помощь» «этому поганому вору» - царю, который издал такие суровые законы против евреев.

Но Берка оставался непоколебим, утверждая, что для евреев будет лучше, чтобы немцы не победили, потому что при немцах никакой левый бизнес не пройдёт. Немец знает только закон, сухой и суровый закон, и его не подмажешь, как можно подмазать «этого поганого вора», а без взятки, утверждал Берка Терновский, евреи среди не-евреев выжить не смогут. Даже в странах, где у евреев были предположительно равные с местным населением права, евреи не могут выжить не нарушая закон, и потому им приходится часто закон обходить, или с помощью взятки, или другим путём, а при немцах это сделать труднее, чем «раздвинуть Красное море».

И так они и спорили всю Первую Мировую войну, от полуденной молитвы до вечерней, пока немцы и австрияки не захватили Украину в 1918 году.

Строго говоря, они пришли чтобы помочь украинцам прогнать Красную Армию. Они поделили Украину на германскую зону оккупации, и на австрийскую. Терновка подпала под австрийское правление.

Австро-немецкий комендант Терновки, как и любой немец, был особенно строг, когда дело касалось правил гигиены в местечке. Он вдруг потребовал выполнения «странных и сумасшедших правил». Например, аккуратно подметать улицу около домов, не выбрасывать мусор на улицу, не сливать нечистоты на тротуар, не трясти мешки на улице, чтобы не было пыли, не бросать куриные перья возле домов, чтобы их не разносило ветром по местечку, построить соответствующего качества отхожие места, чтобы зловоние не распространялось по округе, и прочие «зловредные декреты». А того, кто эти декреты нарушал, комендант жестоко штрафовал.

Не один еврей жаловался тогда со вздохом, как это описано у Шолома Алейхема: «Я не понимаю этого. Дом мой. Дорожка вдоль дома тоже моя. Грязная вода моя, но когда я выливаю свою грязную воду на свою дорожку, что вокруг моего дома, приходит полиция и меня штрафует. Вы когда-нибудь слышали о такой несправедливости?».

При русских, если бы даже Иван-полицейский вдруг захотел выписать штраф за нарушение законов гигиены, дашь ему стакан водки, или пару копеек, и штрафа как не было, а с дурацкими строгими немцами это не проходило. Всё только по закону. Приходилось платить все наложенные штрафы.

Как они стонали под тяжестью ярма дурацкого немецкого правления, которое хочет ни больше ни меньше как заставить евреев соблюдать гигиену каждый день, как накануне Пасхи, когда сжигают хамец. Вот тогда-то Берка Терновский праздновал свою победу: «Ну, не говорил ли я вам, что для нас, евреев, «поганый вор» в сто раз лучше, чем дурацкий немец, который строго следит за выполнением буквы закона. Вы молились за их победу. Вы их хотели. Вы их ждали, этих немцев. Вы звали их, и вот они здесь во всей своей славе и дурости!»

И тогда «немецкие патриоты» из Клойза сникали. Они прятали свои лица от стыда, потому что это они, сидя у печки в Клойзе, помогали своими советами немцам победить русских.

62. Революция приближается

Когда в феврале 1917 года грянула революция, и царя согнали с трона, Терновка с радостью приветствовала её. Юноша 16 лет по имени Аарон, уроженец Терновки, да святится память о нём, так возрадовался революции, что подвигнулся написать песню о революции на иврите. Я до сих пор помню строфу из этой песни, которую он с друзьями распевал на мотив Марсельезы: «Флаги славы вьются в наших руках. Сегодня праздник свободы. Старая власть пала. Она ушла в небытие».

Главы еврейской, украинской и польской общин договорились провести праздничную демонстрацию в честь этого исторического события. Демонстрация, в которой приняли участие огромные толпы народа, прошла по главным улицам местечка и остановилась у каждого молельного дома всех религий. Демонстранты несли свитки торы, кресты и иконы. Выступающие представители всех общин и молодой армейский офицер - социал-демократ произнесли воодушевлённые речи про революцию, про «свободу, равенство и братство», про «волка, мирно живущего с ягнёнком», и т. д. Музыканты, которые всю войну не смели играть даже на свадьбах, исполняли весёлые мелодии и, конечно, Марсельезу.

Первым признаком равенства в Терновке стало то, что еврейского парня взяли учеником на почту. Его звали Гриша Кишинёвский, но позже (в 1920 году) он иммигрировал в Палестину с первой группой пионеров из Терновки. Здесь, в Израиле, он всю жизнь работал на почте и дослужился до должности Директора почтового отделения в Хайфе. В Израиле его звали Цви Баркони.

Поначалу несколько евреев поступили в милицию. Многие юноши и девушки уехали в школы в другие города, поскольку в Терновке в то время полной средней школы не было. В эти дни в местечке организовался Совет, где большинство представляли евреи. Его задача в основном была защищать служащих, и евреев, и не-евреев. Политическая власть всё ещё оставалась в руках временного правительства, а не в руках Совета.

63. Сионизм в местечке

Несмотря на то, что революция открыла евреям России ворота к равенству в правах и возможности развития их еврейства, евреи не отвернулись умом и сердцем от Сиона, и сионистское движение в России развивалось гигантскими шагами. Сионизм пустил корни и в Терновке, и активисты, в основном из семьи Вортманов (семья автора этой книги), основали в местечке сионистскую организацию. Была ещё независимая группа «Работники Сиона», но её деятельность в местечке была практически не видна. Не-сионистских движений в местечке не было. Гриша (Цви-Баркони), о котором я уже писал ранее, основал спортивное общество Маккаби, вся деятельность там велась на иврите.

Среди самых выдающихся и интересных представителей сионистского движения в местечке был Яков Молдавский. Это была очень цельная личность, но полная противоречий. Он был шойхетом (резником), а, как человек со светским образованием, в сионистском движении он был учителем. Поскольку он был человеком религиозным и богобоязненным, то был близок к религиозным кругам, но, как человек со светским образованием, человек современный, он много общался с молодым поколением, которое было свободнее в своём мышлении, что помогло их сближению.

А ещё он был хазаном (кантором), и его часто приглашали в соседние местечки на молитвы в священные дни (Рош-Ашана и Йом Кипур) в сопровождении организованного им хора. Когда в местечке появилась новая синагога для молодёжи (клойз), он стал кантором этой синагоги и чтецом торы. За эти благородные качества народ уважал и любил его.

Он уехал в Палестину с третьей волной иммиграции (1919-1923) и поселился с семьёй в Хайфе. С болью видел он «братские ссоры» и в пред-государственном Израиле, и в государстве Израиль. Он даже опубликовал манифест против этой ненужной ненависти. Умер он неожиданно в Хайфе. Да будет благословенна его память.

В лето 1918 года в Терновку приехал Цви Бамфельд, хорошо известный в округе сионистский активист. Он был юристом и талантливым оратором, членом Сионистского Центра Украины и главой Сионистской организации Умани.

После его вдохновенной и прекрасной речи, произнесённой вечером перед большой толпой, которая набилась в новый клойз, сионисты пригласили местный еврейский оркестр проводить его к дому хозяина, одного из братьев Копманов, что был на краю местечка, где он остановился. Играли они разные сионистские мелодии, одной из которых была Хатиква (гимн современного государства Израиль). За ним шла большая толпа. Здесь, в Израиле, Цви Бамфельд активно участвовал в ревизионистском движении (правое движение), но не долго, потому что преждевременно умер. Да будет благословенна его память.

Когда пришёл день выборов членов Всероссийского Учредительного Собрания (в ноябре 1917 года), все евреи местечка голосовали за список Сионистов, возглавляемый хорошо известным раввином Яковом Мазехом (главный раввин Москвы-Г.К.) (1859-1924) и известным адвокатом Оскаром Грузенбергом (1866-1940). Евреи России с благодарностью вспоминали их чудесную и мужественную защиту в деле Менделя Бейлиса (1913), жертвы кровавого навета в Киеве (см. главу 46). Как известно, большевики разогнали Учредительное собрание, хотя их там было меньшинство.

64. Декларация Бальфура

Когда в Терновке узнали о Декларации Бальфура (1917), уважение к активистам сионистского движения сильно возросло, потому что «благодаря им» на благо еврейского народа была издана эта декларация. Жители местечка считали эту декларацию декларацией создания еврейского государства и газеты даже опубликовали список членов «Правительства Государства Израиль»: Президент – Луис Брандейс (Член Верховного Суда США), Премьер Министр – Макс Нордау (один из создателей Всемирной Сионистской Организации), Министр иностранных дел – Нахум Соколов (Генеральный секретарь Всемирного Сионистского Конгресса), Министр культуры и образования – Хаим Нахман Бялик (Ивритский поэт), Министр обороны и безопасности – Зеев Жаботинский (солдат, в будущем лидер Сионистов-ревизионистов), Министр сельского хозяйства и труда – Менахем Усыкин (Секретарь Первого Сионистского Конгресса), и т. д.

Евреи Терновки гордились этим выдающимся правительством, в котором были представлены величайшие сионисты и евреи. «Такое правительство не будет посрамлено даже правительствами могучих держав», - объявили светски образованные семинаристы иешивы. Особенная радость была, когда они прочли в газетах об огромной демонстрации евреев Одессы в поддержку Декларации Бальфура. Многие евреи Терновки с нетерпением ждали, когда же откроются выездные ворота из России и въездные ворота в землю Израиля.

Один еврейский мужчина, владелец магазина готового платья, женатый на сестре раввина, болезненный и простодушный человек, умолял сионистских активистов местечка сказать ему, разрешит ли ему правительство Израиля открыть магазин готового платья по приезду в Израиль, Бог даст, потому что у него не было физических сил стать фермером и пахать землю. Никто в местечке не сомневался, что каждый приехавший в Израиль иммигрант станет фермером и будет сажать в землю семена!

Вот как евреи местечка представляли себе Израиль в своих мечтах когда была опубликована Декларация Бальфура...

65. Междувластие

Когда большевики захватили власть, то фронт развалился, и множество солдат дезертировало. После этого появились разные национальные армии – Украинская, Польская, Латвийская, и т.д. В конце 1917 года польская дивизия с полным вооружением проследовала через Терновку с фронта. Целую неделю поляки стояли лагерем на большой площади около католического собора. Дисциплина у них была на высоте, и польские солдаты не трогали жителей местечка. Несколько польских парней из Терновки и окрестных городов пошли волонтерами в эту польскую армию. Цель этой армии была вернуться в Польшу, которая в это время была под управлением Германии.

В период смены власти в местечке творилось беззаконие, каждый делал что хотел. Часто, особенно по вечерам, слышны были выстрелы, без всякой на то причины, просто потому, что у каждого вернувшегося с фронта солдата было ружьё. В один из ярмарочных дней какие-то приехавшие из деревень подонки напали на еврейские магазины и на уличных торговцев, в основном продавцов готового платья, и стали грабить их. Вдруг послышались выстрелы и все приехавшие на ярмарку ринулись восвояси, спасая свою жизнь.

К следующей ярмарке владельцы магазинов организовали народную дружину примерно из сотни стрелков, или даже больше. Большинство волонтеров были терновские украинцы, которым хорошо заплатили за их службу на ярмарке. И действительно, с тех пор на ярмарках всё было тихо, никто не грабил и не мародёрствовал.

После того, как Украинская Рада объявила независимость Украины, и большевики прогнали эту Раду из Киева и захватили власть (8 февраля 1918 года), украинцы обратились к немцам за помощью, и те прогнали большевиков с Украины. Но Рада продержалась у власти тоже не долго, потому как, под влиянием и при поддержке немцев, помещики объединились и спровоцировали правый переворот (29 апреля 1918 года), который привёл к власти Гетмана, Павла Скоропадского, владельца большого поместья.

Немцы разогнали Раду именем революции, и Гетман установил на Украине порядок. Но с поражением Германии на Западном фронте (11 ноября 1918 года) и отходом немецких частей с оккупированных территорий, в том числе с Украины, Рада опять захватила власть, и волнения и неразбериха вернулись.

66. Петлюра, погромы и бандиты

Исполнительный комитет Рады, Украинский Директорат, снова захватил власть в феврале 1919 года. На самом деле власть в основном была в руках Семёна Петлюры (1879-1926) и его союзников. Он хорошо понимал, что украинские крестьяне не имели никакого особенного национального самосознания, и что видели они себя частью русского народа. Потому решил он затронуть самые глубинные чувства украинцев через еврейские погромы. По его замыслу, еврейская кровь послужит смазкой в колёсах украинской независимости. Для этого он устроил ужасную резню евреев Проскурова (16 февраля 1919 года), в которой погибло 5000 евреев. Погромы продолжились и в других городах и местечках Украины. Всего Петлюрой и бандитами было убито и ранено примерно 300 тысяч украинских евреев.

Летом 1919 года ночью в Терновку ворвалась банда Клименко. Это было первое нападение бандитов на Терновку с жертвами. Они ограбили и убили несколько евреев. Наутро Клименко собрал сход украинских крестьян Терновки на площади перед волостной управой, где выступил с речью, призывая к погромам против евреев, потому что они, эти «жидо-коммунисты», уничтожают христианские церкви, разбивают кресты и святые иконы, убивают священников русской православной церкви, и планируют захватить земли христианских крестьян и обратить их в рабов, чтобы те служили евреям.

Все, кто хотел спасти Родину и христианство, должны подняться против «жидо-коммунистов» и присоединиться к его отряду, к спасителям Родины. Из рядов собравшихся на эту погромную речь не последовало ни слова, ни взгляда одобрения. Нахмурившись смотрели украинские Терновцы на убийц и бандитов, пришедших в их город грабить и убивать «их евреев».

Все эти годы, пока евреи жили в Терновке, между евреями и украинцами были добрососедские отношения. Экономическое положение украинцев здесь было во много раз лучше, чем в отдалённых деревнях, потому что местные украинцы хорошо зарабатывали на перевозке товаров для местных магазинов, а местечко служило хорошим рынком сбыта для их сельскохозяйственной продукции. Когда бандиты поняли, что местные крестьяне совсем не разделяют их «прекрасные планы», они покинули местечко.

Другие банды последовали за первой. До них уже дошли слухи, что местные крестьяне смотрят на их «геройства» неодобрительно. Во все годы погромов на Украине ни один местный крестьянин не участвовал в грабеже, не говоря уж в убийстве евреев. Тогда главари банды вызвали руководителей еврейской общины. Среди них выделялся Мойше-Нухум. Он был обеспеченный человек и ярый последователь реббе из Тальне (хасидского реббе). Он был похож на реба Сендера из театральной пьесы «Диббук». Между прочим, его сын Мордехай был в той группе студентов, которая иммигрировала в Палестину в 1913 году чтобы учиться в гимназии в Хайфе. Бандиты сказали главам еврейской общины следующее: «Мы знаем, что вы, жиды Терновки, не коммунисты, как другие евреи, которые оскорбляют наших братьев-христиан и убивают их, и что вы живёте в мире с нашим народом, то есть с украинцами. Потому мы не убьём вас и не будем грабить. Но мы возложим на вас контрибуцию, чтобы вы помогли нам содержать нашу армию, чтобы мы могли дальше воевать за свободу христиан от «жидо-коммунистов»! Потому к такому-то времени вы должны доставить нам столько-то пар обуви, столько-то табака, столько-то материи, столько-то соли, и т.д., и т.д. Если не принесёте, возьмём сами!»

Главы общины объясняли, и это было чистой правдой, что евреи местечка уже обнищали от избытка контрибуций, которые на них наложили разные армии и, кроме того, невозможно было доставить указанный товар, потому что транспорт не работал, и торговля замерла. Но лидеры банды требовали контрибуций и ничего не хотели слушать. После долгих переговоров стороны приходили к компромиссу, и так было с каждой бандой.

Зачастую атаман банды прикладывал свою шашку к шее Мойше-Нухума и обещал убить его, если тот не выполнит требования. Даже и при этом по сравнению с другими местечками в округе, где были убиты сотни евреев, Терновка легко отделалась, хотя 15 человек было убито во время погромов и бандитских нападений. Евреи окрестных местечек считали Терновку «оазисом мира», и многие бежали сюда и поселялись на время, пока обстановка у них дома не успокаивалась.

Разные армии проходили через Терновку, например армия анархиста Нестора Махно, которая не сильно навредила в местечке, а ещё кавалерия Семёна Будёного, красного казака, командира Красной Армии, который преследовал поляков, уходивших с Украины после того, как Петлюра попросил их о помощи в борьбе с большевиками.

Солдаты Будёного не причинили зла жителям местечка. Главы сообщества приветствовали их у «ворот» в местечко хлебом и солью, и раздали сигареты каждому солдату. Между прочим, среди отступающих польских солдат (в Терновку они не заходили, но были поблизости) оказался один еврей, который дезертировал и пробыл в местечке несколько недель, пока его не смогли переправить в Румынию по поддельному паспорту. Оттуда он иммигрировал в Соединённые Штаты.

Из-за анархии, беззакония, убийств и грабежей во всех местечках коммерция и торговля практически замерли. Дошло до того, что многие в Терновке стали шить себе «костюмы», особенно штаны, из мешков из-под пшеницы и сахара. Многие носили деревянные башмаки, особенно летом, потому что кожаные ботинки в то время стоили очень дорого.

При той нехватке всего самого необходимого, многие молодые мужчины и женщины, даже из богатых, ходили в поля собирать растения между посадками сахарной свёклы, откуда они приносили домой что могли найти съедобного.

67. Хасиды из Брацлава

В то беспокойное время, которое переживала Терновка, когда дороги стали слишком опасны для передвижения, неожиданно в Терновке появились трое бородатых мужчин, и с ними мальчик. Они отличались от евреев Украины и одеждой, и речью, хотя говорили на идише. Это были польские евреи, которые, рискуя своими жизнями, отправились пешком и на перекладных в соседний город Умань, где был похоронен их реббе (хасидский раввин) благословенной и святой памяти рабби Нахман из Брацлава (1772-1810). Это были последователи рабби, и захотели они пасть ничком на его могилу, даже рискуя своими жизнями.

Какое им было дело до банд и убийц? Какое им было дело до полчищ вражеских солдат по сравнению с радостью «беседы» с их «рабби», Рабби Нахманом, с возможностью открыть ему своё сердце. Потому что, как всем известно, Рабби Нахман не умер, как сказано в Талмуде: «Праведники и по смерти своей считаются живыми», и он, конечно, услышит молитвы своих последователей. Остальные хасидские евреи смеялись над Брацлавским хасидизмом, который они называли «мёртвым хасидизмом», поскольку «рабби», Рабби Нахман, не оставил наследника чтобы увековечить свою династию.

Путешествие до Умани заняло у них около года. После того, как провели они несколько недель в Умани, обратно в Польшу проходили они через Терновку. Они не хотели слушать, когда жители Терновки предупреждали их, что на дорогу выходить очень опасно, и лучше переждать беспокойное время в местечке. Однажды они исчезли, ушли, покинув Терновку без какого-либо страха, потому что добродетель их «рабби», Рабби Нахмана, который следит за своими последователями недреманным оком, защитит их от всех напастей. Никто не знает, дошли ли они до Польши.

68. Армия Деникина

Среди бесчисленных банд и странных «армий», что часто навещали Терновку, однажды появилась и армия Деникина. Эта «Белая Армия» пришла «восстановить прежнюю славу» и установить «закон и порядок» в России, и лозунгом у них была «Единая и неделимая Россия». Вели они себя как обычная организованная армия, и не причинили никаких неудобств (так было пока они не потеряли ещё никаких поражений).

Штаб этого отряда был в доме братьев Копманов. Кроме того, белые конфисковали ещё несколько помещений, в том числе клуб Сионистской организации, где поселились офицеры. Чтобы доказать, что они наводят «закон и порядок», они повесили несколько молодых украинцев, которых они подозревали в том, что те были большевиками. Чтобы казаться справедливыми, они поймали одного молодого еврея, который был немного не совсем нормальный, сына жестянщика, который просто бродил недалеко от их лагеря, и повесили его в центре местечка как «коммунистического шпиона».

Они также арестовали другого молодого человека из уважаемой семьи, который работал в Москве аптекарем и приехал в Терновку потому, что его отец Хершель Динцис был убит во время погрома бандитами. Его хотели повесить из-за того, что он приехал из Москвы, и поэтому мог быть коммунистом. Женщины семьи Копман бросились в ноги офицерам и поклялись, что он не был коммунистом, что было правдой. Они умоляли пощадить его и рассказали о том, как банда Петлюры убила его отца. В конце концов офицеры смягчились и отпустили его.

Когда Деникинский отряд ушёл на фронт, в местечке было оставлено «гражданское правительство»: пристав и несколько полицейских. Несколько дней спустя откуда ни возьмись появилась новая армия, не то чтобы банда, но и не совсем регулярное подразделение. Солдаты этого отряда были украинцы, и они симпатизировали большевикам. Они сразу арестовали пристава, увели за пределы местечка и расстреляли. Перед смертью он умолял их о пощаде, ведь у него было восемь детей, которые останутся сиротами, он доказывал им, что не воевал ни в какой армии, особенно в армии Деникина, и что он был просто гражданский служащий. Но никто не слушал его, и они его убили. На самом деле этот пристав был скромный человек средних лет, и совсем не деникинский погромщик.

Вот так местечко и жило в постоянном состоянии страха и ужаса, пока наконец большевики не установили свою власть. Периодически появлялся большевистский отряд под командованием Горетца, который атаковал окрестные банды, но, когда отряд Горетца уходил, бандиты возвращались. Несколько помещиков, которые владели небольшими усадьбами, организовали банду под командованием Черновола, они в основном нападали на основанные большевиками органы государственной власти, и на небольшие отряды большевиков. После чего они разбегались и прятались.

Из-за плохого экономического положения в местечках множество евреев переехали в центральную часть России, в промышленные районы, и выживали как могли. Многие эмигрировали в Палестину и другие страны, пересекая границы с риском для жизни. В местечке осталось около половины прежнего населения, где эти люди жили скромной и скудной жизнью до начала Второй мировой войны.

69. Терновский помещик

Как я уже писал в одной из первых глав, помещик, владелец земли, на которой стояла Терновка, по происхождению был грек. Последний оставшийся в живых из этой семьи был одинокий мужчина в расцвете лет, инвалид. По сравнению с окрестными помещиками он был белой вороной. Подавляющее большинство помещиков было польской католической веры, наследие польского владычества в Подолии, которую Россия захватила в 1793 году. А греческий помещик никак не принадлежал к этой кампании, ни по религии, которая в его случае была греческой православной, ни по национальности. Поэтому праздники он справлял в одиночестве. При том, что у него была немалая собственность, он был очень скуп (его земля в Терновке была поделена на две тысячи десятин, или две тысячи гектаров отборной земли, включая несколько сотен десятин леса). Он никогда не жертвовал никаким культурным заведениям, ни еврейским, ни христианским.

В местечке про него ходила такая история. Однажды бродячий нищий обратился к нему за подаванием: «Пожалей меня, ибо я инвалид». В ответ помещик сказал: «Я сам достоин жалости, сам я тоже инвалид». И не дал ему ни копейки. Не удивительно, что никто его особенно не любил. И, когда однажды ночью его управляющий именем, молодой человек из дальних краёв, взломал сейф и украл у него 20 тысяч рублей и сбежал с ними, многие в местечке радовались его несчастью.

Много лет длилась тяжба между «щедрым» помещиком и еврейским портным Лейзером (Элазаром, братом женского портного Рувена, о котором идёт речь в главе 58).

Суть дела была такова: Лейзер-портной утверждал, и доказывал с помощью чудес и знамений, что его дом, как и большинство домов в местечке, стоял на старом участке земли, которым он владел с незапамятных времён, и потому был должен арендодателю только символическую плату за аренду, как и все другие владельцы старых домов в местечке. В свою очередь, помещик утверждал, что дом портного стоял на новом участке, даже хотя тот выплатил всю полагающуюся сумму, это всё равно был только арендованный участок земли, как и множество других новых участков, где были построены дома, и потому должен был платить арендную плату сполна, а не символическую сумму.

Как я упомянул, этот судебный процесс по делу о владении землёй длился многие годы, и совсем разорил портного, но тот был человеком упёртым и повторял: «Пусть я потрачу на это последнюю копейку, но я проучу эту собаку (помещика)». Если бы не революция 1917 года, этот спор несомненно тянулся бы ещё долго.

После большевистского переворота в местечко вошло подразделение Восьмой Армии красных, известное своей дикостью, слабой дисциплиной и беззаконием. Вместо того, чтобы поддерживать порядок и защищать жителей от различных банд и грабителей, за ними самими нужен был надзор, потому что сами они часто грабили и мародёрствовали.

Командование отряда сразу арестовало помещика как феодального контрреволюционера, и собиралось его расстрелять, но на другой день его отпустили, потому что он заплатил им огромный выкуп. После чего он бежал из местечка, чудом пробравшись в Одессу, где с давних времён жило много греков. Он затерялся среди них, и даже получил место в правительственном учреждении. В те дни, первые дни коммунистической революции, дни хаоса в России и в государственном аппарате, когда служащие царского правительства устроили саботаж, ему не составило большого труда затаиться и ждать, пока всё не успокоится.

И действительно, через несколько месяцев Белая Армия Деникина захватила Одессу, и между Одессой и Константинополем восстановилось торговое и пассажирское судоходство. Помещик, «советский служащий», воспользовался представившейся возможностью вернуться на свою греческую родину, которой он никогда прежде не видел.

Вот так закончилась история помещика, который не знал как воспользоваться собственным богатством.

70. Во время «военного коммунизма»

В начале правления большевиков, во время военного коммунизма, жители ещё не привыкли к срочным и частым приказам, декретам и запретам, которые часто издавались большевиками. Жители не особенно старались придерживаться их, особенно когда тяжёлое экономическое положение часто вынуждало их нарушать эти декреты. В эти дни один семейный молодой человек, уроженец Терновки, купил на одном из сахарных заводов поблизости тонну сахара. Правда, официально все сахарные заводы были национализированы, но служащие игнорировали это, и втихомолку продавали сахар, потому что коммунистическое правительство платило им так мало, что зарплаты не хватало даже на нищенское существование.

Когда же он привёз телегу с сахаром в местечко, то его остановили агенты ЧК. Они сразу конфисковали сахар и арестовали его. После скорого процесса в Умани его расстреляли. Между прочим, служащих завода и украинца, который привёз сахар, не тронули. Этот случай взволновал и шокировал жителей местечка, и наполнил их страхом и ужасом.

71. Иммиграция в Палестину пионеров из Терновки

В те ужасные дни примерно десяток молодых людей из Терновки собрались вместе и, несмотря на опасности, которые подстерегали их на дороге и при переходе границ, решили иммигрировать в Палестину. Они наняли еврея-владельца повозки, чтобы тот довёз их до румынской границы, до реки Днестр. Дня три ехали они окружными дорогами, пока не доехали до местечка Каменка, примерно 320 км от Терновки, где к ним присоединилась группа пионеров из Каменки.

С их помощью и по их рекомендации мы обратились к молодому еврейскому контрабандисту, и он, с помощью молдаван, подкупив пограничников, переправил нас в лодке ночью на другую сторону Днестра, в Бессарабию, часть Румынии.

Среди этих пионеров из Каменки был ветеран сельского хозяйства Яков Шехтман из Балфории (Палестина) и Шмуэль Кахана, хозяин хорошо известного театрального бюро в Иерусалиме.

Пройдя через различные города и местечки Бессарабии, пришли мы в портовый город Галатз (Galați, город на Днестре в Румынии – Г.К.), и отсюда поплыли в Константинополь (Турция). По прибытии нас поселили в еврейской сельскохозяйственной колонии «Месила Чадаша» (Новый Путь), которая была основана Еврейским колонизационным обществом. Пока мы там жили, население колонии всё уменьшалось и уменьшалось. Несколько человек иммигрировали в Палестину, несколько в США. Остались очень немногие.

Замечательный рабби колонии, Рабби Шапира, заботился о пионерах как родной отец, и следил чтобы у них было всё необходимое. Потом и он иммигрировал в Палестину. Через несколько недель, когда пришли иммиграционные свидетельства, мы отплыли в Палестину на корабле «Махмудие» и высадились в Хайфе вместе с большим количеством иммигрантов. Мы прибыли накануне Хануки в 5681 году (в декабре 1920 года).

72. Трудные жизненные дороги сироты

Во время разбойных нападений одной из банд была убита молодая женщина, оставившая после себя двух маленьких девочек-сирот. Её муж торговал изделиями из кожи. Семья эта, семья Натансонов, происходила от хорошо известного Рабби из Львова, Иосифа Шауля Халеви Натансона (1810-1875). Сестра этой женщины собиралась уйти в Румынию вместе с другими еврейскими переселенцами. Чтобы облегчить жизнь вдовцу, она взяла с собой одну из девочек-сирот по имени Шифра, примерно десяти лет. В это же время представители Еврейской филантропической организации из Германии под названием «Эзра» (Помощь) приехали в Бессарабию (Румыния), чтобы взять на воспитание нескольких сирот – жертв погромов на Украине. В их число попала Шифра, сирота из Терновки.

В этой религиозной организации она получила хорошее образование, и закончила школу очень успешно. Поскольку она примерно училась и была хорошо воспитана, директорат «Эзры» решил направить её в Палестину изучать преподавание в женскую семинарию «Мизрахи», имея ввиду, что по окончании семинарии она вернётся в Германию и будет преподавать в «Эзре».

Когда она закончила семинарию, то поняла, что не расположена преподавать, а тянет её к изучению медицины, и, с разрешения организации, она вместе с мужем Эрнстом, которого она встретила в Палестине, поехала в Лондон изучать психиатрию. Несколько лет спустя после организации Государства Израиль, уже имея многолетний практический опыт работы в Лондоне, она решила вернуться в Израиль, и, вместе с Доктором Батаром, основала Институт Психологических и Психиатрических Консультаций в городе Хайфа.

За два года до своей преждевременной кончины она приехала в Одессу, чтобы повидаться со своей сестрой, которую не видела сорок два года. В 1968 году она тяжело заболела и умерла. Ей было 58 лет, она оставила после себя мужа и двух замужних дочерей, живущих в Англии. Да будет память о ней благословенна.

73. Учитель

Однажды в 5673 году (1912/1913), парень лет 14-ти, сын шойхета, который был братом Рабби Давида Кругляка, раввина Терновки, прибыл к рабби из местечка Богуслав Уманьского Уезда (на самом деле Каневского уезда). Парень этот, по имени Мотл Кругляк, единственный в семье сын, послан был своими родителями к Рабби Давиду изучать Тору и обрести уважение к Господу. Выглядел он для Терновки необычно. Он носил капот (длинное пальто), отрастил пейсы, и, «чтобы позлить окружающих», отрастил раньше времени бороду. Он был очень усидчив и весь день вместе со своим дядей плавал в океане знаний Талмуда и комментариев к нему.

Рабби был очень доволен своим племянником и предсказывал, что тот станет великим учителем своего народа. Примерно через год после начала Первой мировой войны родители вернули его домой. Они очень боялись, что спустя год его заберут в армию, потому что во время войны правительство призывало юношей более младшего возраста, и даже единственных в семье сыновей, и вот решили они отдать его в русскую гимназию, чтобы его не забрали в армию до её окончания, а там, глядишь, и война кончится.

Хотя Мотл вряд ли знал как выглядят буквы русского алфавита, с помощью учителя за короткое время он подготовился к вступительным экзаменам, сдал их успешно, и был принят студентом гимназии. Родители были абсолютно уверены, что он будет себя хорошо вести в гимназии, не дай Бог, что не сойдёт он с прямого пути, пути Торы, и что будет вести себя как Рабби Меир из Талмуда, который «взял гранат, съел зёрна, а кожуру выбросил», но всё получилось не так, как они себе представляли.

Мотл смотрел в смятении на то, чему его учили: на учение Дарвина, на учение астронома Кант-Лапласа, и т.д., и глаза его «открылись» чтобы понять, что сотворение мира и человека произошло совсем не так, как сказано в Книге Бытия. И тогда он вышел из иудаизма и стал атеистом.

Поскольку его образование до шестнадцати-семнадцати лет было односторонним, ультра-ортодоксальным, и он совсем ничего не знал о светском еврейском образовании, то неожиданный и резкий переход из наивного мира религии в мир светских наук потряс его до самого основания, и он стал «другим человеком».

Когда в России в 1917 году грянула Февральская революция, и на еврейской улице появились различные политические партии, Мотл стал сторонником «Объединённой партии» (С.С + Е.С, или «Сиёмовтсим»). Они призывали установить светскую жизнь на основании языка идиш, хотели еврейской автономии на землях диаспоры, и были абсолютно против сионизма и восстановления иврита. И он был одним из самых непримиримых сторонников этой партии.

Мотл Кругляк вернулся в Терновку летом 1918 года на летние каникулы. Он вернулся не для того, чтобы изучать Талмуд и комментарии к нему, не дай Бог! Он приехал чтобы давать частные уроки русского языка еврейским мальчикам и заработать деньги на продолжение своего образования в Университете. Те, кто знал его раньше, не могли его узнать: он носил короткое пальто, сбрил бороду и пейсы и носил фуражку с блестящим козырьком (как украинец).

Когда дядя увидел его, то пришёл в ужас. Сердце разрывалось в его груди, ведь этот парень, который сгорал от желания изучить Тору, это чудо, сын его брата, поступил так неправильно. Хотя Мотл и был опять гостем в доме своего дяди, они совсем не общались духовно. Я часто встречался с ним в это время, и мы гуляли по местечку, разговаривая на разные темы. Я обращался к нему не иврите, но он, хотя хорошо знал иврит, из принципа отвечал мне на идише. После нескольких месяцев преподавания он покинул местечко и скрылся из виду.

Однажды, в году 5731 (1970/1971), более чем через пятьдесят лет после того, как я потерял его из вида, я случайно наткнулся на это имя, Мотл Кругляк, но не встретил его лично. Госпожа Эстер Розенталь-Шнайдерман, которая иммигрировала в Израиль много лет назад, опубликовала в 5731 года издании журнала «ХаАвар» (Былое) свои воспоминания о том, как она была учителем идиша.

Среди прочих пишет она и о Мотле Кругляке: «В то время я ещё не знала по именам выступающих на первом Всероссийском конгрессе еврейских активистов по теме методологии социалистического образования, который состоялся в Москве в 1926 году, но я запомнила одного из них, который выступил с пламенной речью. Это был аполитичный Мотл Кругляк, сын шойхета из небольшого местечка, ревностный сторонник идишской культуры левого направления, и его самого, великого учёного, который, будучи молодым человеком, уже имел репутацию вундеркинда. Имя его я забыть не могу потому, что впоследствии мы вместе учились в Институте Еврейской (Пролетарской-Г.К.) Культуры в Киеве, а потом вместе работали там, опубликовав несколько статей.»

Сегодня Мотл Кругляк (Кругляк Марк Исаевич, родился в 1898 году – Г.К.) член коммунистической партии и профессор психологии Педагогического института в Нежине (Украина), пишет статьи по педагогике и психологии в украинские и русские журналы. Он опубликовал множество статей в еврейских педагогических журналах, пока коммунистическая партия не вырвала с корнем всю систему еврейского образования. Он был автором учебников на идише, и вёл научную работу в еврейских школах.

Вот такая вышла история про религиозного мальчика, который, окунувшись в мир Торы, проживал у своего дяди в Терновке. Рабби надеялся, что он станет учителем еврейского народа, и действительно Мотл стал учителем, деятелем системы образования, украинским коммунистическим профессором!

74. Безбожник

Когда в местечке установился большевистский режим, появились безбожники-пропагандисты, или большевики-атеисты, которые приезжали и проводили антирелигиозную пропаганду. Среди тех, на кого подействовала эта дешёвая пропаганда, был невежественный и неграмотный еврейский мужчина. Это был человек средних лет, который подрабатывал извозом и ещё, вместе с членами своей семьи, торговал скотом. Чтобы показать своё безбожие, он перестал ходить в синагогу, даже на Йом Кипур (Судный День). А чтобы позлить людей, стал разводить свиней!

Однажды с утра в Йом Кипур ему что-то не спалось, и он поднялся ещё затемно и, к своему изумлению, увидел, как один молодой человек, зять Мойше, пешком покидает местечко, а за ним на некотором расстоянии едет крестьянская телега, которой правит украинец, а на телеге стоят Английские весы, на которых взвешивают зерно, и множество пустых мешков. Когда безбожник спросил украинца, куда тот собрался, и куда везёт он груз, тот невинно ответил, что едет в Трояны на ярмарку (около 24 км на ЮВ от Терновки), и что молодой человек, который его нанял, сядет на телегу за околицей.

Как оказалось, молодой человек ехал по договорённости со своим тестем, потому что у них было общее дело по торговле зерном. Ясно было, что он собрался на ярмарку в Йом Кипур потому, что, как говорится, в такой день он будет «один на ярмарке». Он хорошо понимал, что ни один еврей не покажется на ярмарке в этот день, а потому конкурентов у него не будет, и он сможет хорошо заработать. Вот теперь-то невежественный безбожник увидел возможность отыграться на этих «замечательных иудеях», которые обманывают и людей, и бога.

Дождавшись вечера, он послал маленького мальчика в синагогу, в которой молился тесть, Мойше, когда все евреи стояли в кителях (тонкие белые одежды), завернувшись в талесы, (большевики ещё не закрыли все еврейские молитвенные дома) и изливали горечь сердца своему Создателю. Мальчишка вошёл в синагогу и сообщил собравшимся, что зять Мойше-торговца зерном, который утром уехал на ярмарку в Трояны, был убит, и деньги все пропали!

Потрясение и ужас наполнили синагогу. Ужас по поводу убийства молодого человека, и потрясение постыдным и позорным поступком, совершённым евреем, зятем Мойше-торговца зерном, соблюдающего обычаи еврея, который поехал в Судный День на ярмарку, чтобы заработать. Понятно, что плач, стоны, и рыдания членов семьи «жертвы» были велики, так же, как позор и стыд. Сильный шквал эмоций продолжался весь Йом Кипур, пока вечером не появился дома, конечно украдкой, тот молодой человек, конечно же целый, невредимый, здоровый, живой и цветущий!

Вот так безбожник отыгрался на «замечательных религиозных евреях». Он похвалялся перед всеми как вывел на чистую воду плутов и лицемеров, и вышагивал, как петух, с важным видом, очень гордый собой!

75. Праведник

Среди евреев Терновки и других местечек, которые переехали подальше вглубь Великороссии, был уроженец Терновки по имени Зелиг, один из правнуков Рабби Якова Вортмана и сын шойхета Ешайягу, о котором я уже писал (см. главу 36). Он был религиозный и учёный человек. И была у него дочь, единственный ребёнок. Когда она училась в Ленинградском университете, то полюбила студента, который не был евреем. Когда об этом узнал её отец, он поднял большой шум и заявил, что никогда не отдаст свою дочь за не-еврея, но она отказалась прекратить отношения со студентом, как требовал отец.

Однажды, когда он шёл с ней по улице, обсуждая эту тему, и она опять отказалась уступить его мольбам, чтобы она прекратила отношения с не-евреем, он прыгнул на рельсы перед трамваем, чтобы покончить жизнь самоубийством. Водитель трамвая чудом смог остановить вагон, чтобы не переехать и не убить его. На шум и переполох прибыла милиция. Дочка поклялась отцу, что прервёт отношения с не-еврейским парнем, и выйдет замуж только за еврея, и она сдержала слово, и сейчас работает врачом.

76. Уничтожение Терновки

Когда фашистская Германия напала на Советский Союз 22 июня 1941 года, евреи Украины, России и других районов мало что знали об ужасных деяниях фашистов против евреев. Сталинский режим, который подписал «мирный договор» с нацистами в 1939 году, не собирався публиковать в Советском Союзе «добрые дела» своего «союзника». Так что, когда фашисты захватили территории Украины и России, почти никто из евреев не бежал от них вглубь России. Подавляющее большинство оставалось там, где жили.

Евреи думали, что германская армия, которая сейчас захватывала Советский Союз, была подобна той германской армии, которая стояла на Украине во времена Гетмана (1918). Фашисты, которые тайно и втихаря сжигали евреев Европы в газовых печах Аушвица, на Украине вели себя по-другому, не посылали местных евреев в Аушвиц. Они знали, что перед украинцами им нечего стесняться, и нет необходимости скрывать свои чудовищные деяния, как они делали это в странах Западной Европы.

Здесь, на кровавой земле Хмельницкого (1648-1649), Гонты и Железняк (1788), Петлюры и разбойных банд (1919-1920), им нечего было скрывать. Здесь можно было творить свои чудовищные преступления при свете дня и даже с благословением украинцев, так что они убивали евреев везде, где только находили, и на виду у украинцев.

Однажды они собрали евреев и украинцев рыть траншеи за территорией местечка. Землекопы думали, что копают оборонительные траншеи, как принято во время войны. Но на другой день стало ясно, зачем нужны были траншеи на самом деле. Немцы послали по улицам местечка глашатаев, которые объявили, что все евреи местечка, малые и старые, под страхом смерти, должны собраться на «стапке», большой площади около католической церкви на краю местечка.

В восемь утра, когда все жители местечка, которые ещё не подозревали об ужасной трагедии, которая их поджидала, собрались вместе, фашисты приказали им уходить из местечка по направлению к деревне Посухивка (укр. Посухівка –Г.К.), на расстоянии на 5-6 км на восток, где они якобы будут временно жить. Вот как фашисты их обманули.

Когда эти несчастные проходили мимо вырытых у местечка траншей, на них обрушился пулемётный огонь, и все евреи Терновки, и стар, и млад, были убиты, и их тела упали в траншеи или были сброшены туда. Только три еврея убежали из этой долины смерти в одну из деревень, но украинцы двоих убили. Среди них был Иосиф Трояновский, чей внук, Кальман, сын Леви, погиб во время войны за независимость Израиля (1948-1949). Только третий, спасшийся еврей смог рассказать о том, как ужасная трагедия оборвала жизнь евреев Терновки.

Когда фашистские убийцы вернулись со своей кровавой расправы в местечко, десятки баварских немцев, которые поселились как колонисты на плодородной земле Терновки, приготовили весёлую пирушку «фашистским героям», с музыкой, песнями, плясками, обжорством, пьяным развратом, праздник победы над убитыми евреями Терновки, мужчинами, женщинами и детьми.

Эта ужасная бойня случилась в среду, в 11-ый день месяца Сиван 5702 года (27 мая 1942 года).

Вот так было жестоко уничтожено скромное старинное местечко, простоявшее около ста тридцати лет (1813-1942), которое прожило свою тихую жизнь в духе еврейского народа, с искрой древней надежды, надежды на переселение на древнюю родину.

После разгрома фашистов несколько евреев из Терновки, которых разбросало по России, вернулись в местечко, и с трудом выживают там (в 2008 году только один еврей, Хаим Штейн, женатый на украинской женщине, всё ещё жил в Терновке).

<http://kehilalinks.jewishgen.org/ternivka/holocaust.asp>

Эпилог

Вот и дошёл я в описании моей хроники нашего местечка Терновка до его трагичного, горького и неожиданного конца, и перед моими глазами встают слова плача нашего народа: «Когда утешусь я в горести моей! сердце мое изныло во мне» (Иеремия 8:18). Сдерживаю я боль души и сердца моего. Сдерживал я перо своё и дух свой пока писал я историю местечка и его хроники просто и беспристрастно, но теперь, с завершением последней главы, главы об уничтожении Терновки, больше не могу сдерживать я свой гнев и тоску в душе моей, и снова из сердца моего рвутся с болью слова нашего плача: «О, если бы голова моя стала источником, а глаза мои стали бы фонтаном слёз, плакал бы я день и ночь о всех убитых детях народа моего» (Иеремия 9:1) – об убитых людях скромного еврейского местечка, чьи простые и честные евреи сохранили на протяжении веков в окружении бесчестных и жестоких врагов образ Бога и человека, любимое еврейское местечко моё, которое хранило благородство и простоту духа древнего Израиля, в котором протекала жизнь еврейского народа, которое излучало новые свежие и здоровые силы, что вливались в тело народа, и которые предохраняли его от вырождения и вымирания. Нет больше этого прекрасного еврейского местечка, поскольку стёрто оно с лица земли бесчестными носителями свастики. Да отомстит бог за кровь их!